

**Институт Латинской Америки
Российской Академии Наук
(ИЛА РАН)**

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений

Научное общество факультета международных отношений

Воронежское отделение РАИИАМ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей памяти
Сергея Ивановича Семенова

Выпуск 2

Москва – Воронеж
2007

ббк 66.3
удк 323.2
п 50

Редакционная коллегия:

проф., д.полит.н. А.А. Слинько (пред.)
доц., к.и.н. В.И. Сальников (секретарь редколлегии)
к.и.н., преп. М.В. Кирчанов (сост.)
к.и.н., преп. И.В. Форет

*сканирование и набор текстов,
поступивших в распечатанном виде*

асп. А.А. Милякова
студ. С.Г. Мирзаханян

В сборник вошли статьи исследователей, работающих в сфере латиноамериканистики, из России и США. В центре внимания работ – различные аспекты политической, дипломатической, интеллектуальной истории Мексики, Венесуэлы, Бразилии, Колумбии, Чили.

Сборник будет интересен ученым-латиноамериканистам и всем интересующимся историей, политикой и культурой стран Латинской Америки.

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанова (сост.). – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – 77 с.

© Авторы, 2007
© Факультет международных отношений ВГУ, 2007
© Воронежское отделение РАИИАМ, 2007
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2007

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Сизоненко А.И.</i>	
Отношения СССР со странами Латинской Америки в 1945 – 1991 годах	4
<i>Слинько А.А.</i>	
Региональные типы революционаризма в Латинской Америке	10
<i>Сизоненко А.И.</i>	
СССР – Россия – Мексика: у истоков отношений	12
<i>Форет И.В.</i>	
Действие международно-правовых норм в национальной правовой системе Боливарианской Республики Венесуэлы в условиях глобализации	18
<i>Кирчанов М.В.</i>	
Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов	25

АКТУАЛЬНАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА

<i>Клаудио Ломниц</i>	
Восстание Латинской Америки	38
<i>Иммануил Валлерстайн</i>	
Боливия, Буш и Латинская Америка	48

СООБЩЕНИЯ

<i>Баутин А.А.</i>	
Повстанческое движение и наркобизнес в Колумбии	52

ПУБЛИКАЦИИ

Переворот 1964 года в зеркале бразильской прессы	56
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Сальников В.И.</i>	
Политическая биография Уго Чавеса	65
<i>Margaret M. Power</i>	
Remembering Chile's Victims of Yesterday and Today	71

СТАТЬИ

А. И. СИЗОНЕНКО

ОТНОШЕНИЯ СССР СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1945 – 1991 ГОДАХ

После окончания второй мировой войны в советско-латиноамериканских отношениях намечались хорошие перспективы их дальнейшего развития. После того, как в июне 1946 г. были установлены дипломатические отношения с Аргентиной, Советский Союз их имел с 14 странами латиноамериканского региона. В августе 1946 г. в Москве был подписан советско-уругвайский договор о дружбе, торговле и мореплавании. Переговоры о заключении аналогичного документа велись с Чили. В 1947 г. состоялась крупная экспедиция советских ученых-астрономов и ботаников в Бразилию. Начала развиваться торговля: в 1946 г. товарооборот СССР с Аргентиной, Бразилией и Уругваем составил 24,6 млн. руб. (в 1938 г. – 1,8 млн. руб.). Между СССР и государствами Латинской Америки не существовало каких-либо спорных вопросов, которые бы препятствовали развитию их связей. Однако во второй половине 40-х годов в этот процесс вмешалась развязанная тогдашними правящими кругами США и Англии «холодная война», в которую был втянут Советский Союз, а также многие страны Латинской Америки, продолжавшие находиться в сильнейшей экономической и политической зависимости от своего могущественного северного соседа. Одной из главных целей Вашингтона в Латинской Америке, которую они считали чуть ли не своей вотчиной и зоной своего безграничного влияния, являлось не допустить дальнейшего развития советско-латиноамериканских отношений, а по возможности и сорвать их. В результате, прямого давления США и развязанной в регионе антисоветской компании дипломатические отношения с СССР под разными причинами разорвали Чили (1947 г.), Колумбия (1948 г.), Куба и Венесуэла (1952 г.). Та же судьба постигла и отношения СССР с Бразилией (1947 г.). В итоге, к середине 50-х годов реальные отношения (т.е. обмен посольствами) с СССР сохранили только Мексика, Уругвай и Аргентина. Упала торговля, резко сократился культурный обмен.

Однако ухудшение отношений в конечном итоге не отвечало интересам обеих сторон, которым в принципе нечего было «делить». Оно било, прежде всего, по странам Латинской Америки, которые в условиях послевоенного экономического спада и застоя, нуждались в новых рынках для своих товаров, в укреплении своих международных позиций. В связи с этим показательным явилось участие делегаций из 8-ми латиноамериканских стран на Международном экономическом совещании в Москве в апреле 1952 г. Такое представительство свидетельствовало о большом

интересе, проявившемся в деловых кругах Латинской Америки к налаживанию экономических связей с СССР. «Мы ощущаем необходимость, - говорил на совещании представитель Бразилии Р. до Амарал, - установить торговые отношения с этой частью мира», имея в виду, прежде всего, СССР.

В условиях «холодной войны» и попыток Западных держав изолировать и ослабить СССР советское руководство искало возможности для выправления ситуации, улучшения своих отношений с теми или иными странами. В этом плане весьма показательной была встреча И.В. Сталина 7 февраля 1953 г. с послом Аргентины в Москве Л. Браво. Формальным поводом для встречи явились проходившие тогда переговоры о заключении сторонами торгового соглашения. Однако состоявшаяся беседа вышла далеко за рамки этой темы, охватив самый широкий спектр отношений СССР с Аргентиной и в целом положение в Латинской Америке. Как нам представляется, идя на эту встречу, Сталин искал возможности не только расширить и активизировать отношения с самой Аргентиной, президент которой Х. Перон нередко выступал тогда с критикой американского курса, но и попытаться разорвать через эту страну цепи «холодной войны» по крайней мере в Латинской Америке. Результаты подписанного летом того же 1953 г. упомянутого торгового соглашения были более чем показательны: в 1954 г. советско-аргентинской товарооборот вырос до 69,2 млн. руб. (в 1953 г. – 7,5 млн. руб.).

В известной мере Московское экономическое совещание, соглашение 1953 г. и крупная выставка СССР в Буэнос-Айресе в 1955 г. стали первыми признаками начинавшейся оттепели в советско-латиноамериканских отношениях.

Дальнейшие факты подтверждали эту тенденцию: в 1957 г. между СССР и странами Латинской Америки начался межпарламентский обмен, в 1958 г. СССР предоставил Аргентине кредит в 100 млн. долл. для приобретения советского нефтеоборудования, в 1959 г. в Мексике состоялась выставка достижений СССР в области науки, техники и культуры. В те же 50-е годы Аргентину и Мексику посетили первые заместители Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и А.И. Микоян. Постепенному налаживанию отношений способствовали и перемены, происходившие в тот период в Латинской Америке: свержение целого ряда антинародных диктатур, стремление деловых кругов к налаживанию торговли с СССР, активные выступления передовых кругов, сил демократии и народа за улучшение отношений с СССР. В самом Советском Союзе также внимательно следили за процессами на латиноамериканском континенте, особенно за происходившей на Кубе народной революцией. Советское правительство одним из первых – 11 января 1959 г. признало новое кубинское правительство во главе с Ф. Кастро, а 8 мая того же года между обеими странами были восстановлены дипломатические отношения. С самого начала, а особенно после провозглашения Ф. Кастро в 1961 г. курса на строительство в стране социализма, отношения между СССР и Ку-

бой обрели самое тесное сотрудничество в самых различных областях, Куба вплоть до распада СССР была стратегическим союзником Советского Союза в Западном полушарии.

Восстановление отношений с Кубой стало своего рода отправной точкой для отсчета нового этапа в советско-латиноамериканских отношениях, для восстановления утраченных и обретения в них новых позиций. СССР неизменно строил эти отношения на принципах политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, уважения их суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела. Такая политика в корне отличная от отношения к развивающимся странам со стороны западных капиталистических держав, обеспечивала поступательное развитие рассматриваемых отношений на протяжении всех послевоенных лет существования СССР.

Каковы же были их результаты в течение всего этого периода на основных направлениях межгосударственных связей СССР и стран Латинской Америки? В 60-80-е гг. Советским Союзом были установлены дипломатические отношения практически со всеми (кроме Парагвая) странами региона. Однако этим сфера политики и дипломатии не ограничилась. Получили свое развитие встречи и переговоры на высшем уровне: в 1972 г. в Москву впервые с официальным визитом прибыл глава латиноамериканского государства – президент Чили С. Альенде, а ранее, в 1968 г., встречи на уровне глав внешнеполитических ведомств открыл министр иностранных дел Мексики К. Флорес, - первый МИД латиноамериканской страны, побывавший в СССР с официальной миссией. После этого в Москве с официальными визитами побывали президенты и министры из других латиноамериканских стран. Правда, ответ советского руководства на эти визиты был не совсем адекватным, его представители побывали в Латинской Америке лишь дважды: в 1974 на Кубе П.И. Брежнев, а в 1989 г. М. Горбачев.

Советский Союз оказывал широкую поддержку странам Латинской Америки, в первую очередь огромная материальная и военная помощь оказывалась социалистической Кубе, которая смогла выжить благодаря этому в условиях американской блокады.

Широкая поддержка оказывалась революционному сандинистскому правительству Никарагуа. Советский Союз выступал с решительным осуждением вооруженного вмешательства США в Гватемале, Панаме, Гренаде. Вместе с тем, СССР поддерживал все крупные внешнеполитические акции стран Латинской Америки, направленные на укрепление мира и безопасности в этом регионе, такие например как Договор Тлателолко о создании в Латинской Америке зоны свободной от ядерного оружия.

В 60-80-е годы между СССР и странами этого региона определилось и продолжало укрепляться совпадение позиций по актуальным проблемам современности, такими как укрепление мира и безопасности, международного сотрудничества, невмешательства во внутренние дела, создания безатомных зон и т.д.

Взаимопонимание сторон и развитие их диалога во многом способствовал и межпарламентский обмен, который активно развивался с 60-х гг. и стал одной из действенных форм советско-латиноамериканских связей. Начиная с 70-х гг., в практику советско-латиноамериканских связей. Начиная с 70-х гг., в практику советско-латиноамериканских отношений стали входить регулярные встречи министров иностранных дел на сессиях Генеральной ассамблеи ООН¹, а также периодические консультации по линии министерств иностранных дел по вопросам, представляющим общий интерес для обеих сторон.

Между СССР и странами Латинской Америки по-прежнему не возникало каких-либо серьезных конфликтов, которые могли бы существенно повлиять на ход развития их межгосударственных связей. И лишь однажды, в октябре 1973 г. Советский Союз после свержения в Чили законного правительства С. Альенде разорвал дипломатические отношения с захватившей власть пиночетовской хунтой (в 1990 г., когда чилийское государство возглавил президент П. Эйлвин, они были восстановлены). Резюмируя, можно отметить в целом положительный внешнеполитический фон в советско-латиноамериканских отношениях в 60-80-е годы.

Продолжалось плодотворное всестороннее сотрудничество между СССР и Кубой, строившееся на принципах интернационализма и крепкой дружбы народов обеих стран. В 1989 г. визит на Кубу нанес М. Горбачев, однако, к сожалению, в последние годы его нахождения у руководства СССР стало намечаться заметное уменьшение объема советско-кубинских связей, что в известной мере объяснялось усиливавшейся ориентацией М. Горбачева на Запад и его постепенным отходом от союза с социалистическими странами. Сказывались и нараставшие экономические трудности СССР.

Важной стороной отношений СССР со странами Латинской Америки в 60-80-е гг. стали торгово-экономические связи, которые к концу этого периода базировались на развитой договорно-правовой базе.

Советский Союз поставлял в страны Латинской Америки достаточно широкий список товаров: различные станки и оборудование, тракторы, автомобили, сельскохозяйственную технику, оптические изделия, фотоаппаратуру, нефть, химические товары, сельскохозяйственные удобрения и др. Весьма заметной статьей советского экспорта стали турбины для строившихся в тот период целого ряда крупных гидроэлектростанций на крупнейших реках в Южной Америке. Так, на р. Парана советскими машинами была оснащена одна из крупнейших ГЭС в мире Сальто Гранде. При этом показательно, что торги на поставку этого оборудования советские организации выиграли на международных торгах в условиях острой конкуренции с западными фирмами.

---

¹ Они главным образом пришлись на те годы, когда МИД СССР возглавлял А.А. Громыко (1957-1985 гг.).

В свою очередь, Советский Союз закупал в Латинской Америке традиционную продукцию ее стран – кофе, какао, бананы, рис, подсолнечное масло, мясо, кожсырье, а также в отдельные годы крупные партии пшеницы (из Аргентины). С 70-х гг. в этом регионе стали закупаться и отдельные виды готовых изделий: обувь, шерстяные изделия, металлические трубы.

Особое место в торговле СССР с латиноамериканским регионом занимала социалистическая Куба. В 60-80-е годы она неизменно занимала 1-ое место в советско-латиноамериканском товарообороте. Главнейшими статьями здесь являлись кубинский сахар и советская нефть. Номенклатура поставок из СССР на Кубу составляла многие десятки товаров, охватывая широкий спектр промышленных изделий, которые обеспечивали дальнейшее развитие острова Свободы.

Важную роль в пропаганде достижений СССР, особенно в области индустрии, науки и техники играли проводившиеся в различных странах Латинской Америки крупные национальные выставки СССР, особенно в таких странах как Куба, Мексика, Аргентина.

Впрочем экономическое сотрудничество СССР и стран Латинской Америки не ограничивалось только чисто торговыми рамками. Так, в Мексике на основе поставляемых узлов с тракторного завода из гор. Владимир была налажена с небольшими модификациями сборка трактора «Сидена», которых до распада СССР было произведено в Мексике более 5 тыс. машин. Советский Союз оказал содействие Перу в развитии рыболовной отрасли; кроме того советские рыбаки на основе соответствующих межправительственных соглашений ловили рыбу в перуанских водах, отдавая оговоренную долю улова перуанской стороне. Аналогичная помощь была оказана и Чили во время нахождения у власти в стране правительства Народного единства во главе с президентом Ч. Альенде. Тогда же Советский Союз поставил в Чили домостроительный комбинат, который приступил к сборке жилых домов.

В 80-е гг. Советский Союз приступил к строительству на Кубе атомной электростанции.

Заметное место в советско-латиноамериканских отношениях занимали культура и наука, также во многом строившиеся на межправительственных соглашениях. Ведущее место в первой из них занимали взаимные выступления в СССР и Латинской Америке художественных и театральных коллективов, различные фестивали, выставки, гастроли отдельных известных исполнителей и т.д. Так, на латиноамериканских сценах выступали ансамбли «Березка», И. Моисеева, балет Большого театра, Московский цирк, художественные коллективы из Украины и Белоруссии. Появились такие новые формы культурного сотрудничества как создание совместных фильмов, например, советско-мексиканского «Эсперанса». Дни кино и культуры, проводившиеся в Москве, Ленинграде и столицах различных стран Латинской Америки. Получило свое развитие побратим-

ство советских и латиноамериканских городов, главным содержанием которого являлись контакты культурного и экономического плана.

Весьма важное как культурное, так и политическое значение имело то серьезное содействие, которое оказывал Советский Союз в подготовке у себя национальных кадров специалистов для Латинской Америки. Центром такой подготовки являлся созданный в Москве в 1961 г. Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (с 90-х годов Российский университет дружбы народов). С 1965 г. (первый выпуск студентов) до начала 90-х годов университет закончили более 3 тыс. молодых латиноамериканцев. Впрочем, общее их число было значительно большим, так как они обучались во многих городах и вузах СССР. Наибольшие группы латиноамериканцев-студентов представляли Кубу, Перу, Мексику.

Определенные успехи были достигнуты в области научных связей, в первую очередь между СССР и Кубой. Советские ученые в 50-80-е годы достигли значительных успехов в изучении Латинской Америки: ее истории, экономики, социально-политической жизни, культуры. В 1961 г. на волне огромного интереса советской общественности к кубинской революции в системе Академии наук СССР был создан Институт Латинской Америки. Имена и труды таких советских ученых-латиноамериканистов как В.В. Вольский, А.Ф. Шульговский, Н.М. Лавров, Ю.Н. Кнорозов, И.Р. Григулевич, А.Н. Глинкина, а также и ныне здравствующих М.С. Альперовича, А.Н. Кутейщиковой, Л.Ю. Слезкина, Б.Н. Комиссарова и ряда других получили еще в 60-80 гг. широкую известность не только у себя на родине, но и в Латинской Америке.

Было бы неверным утверждать, что в советско-латиноамериканских отношениях были использованы все резервы и все имевшиеся возможности. Этому мешали противостояние и конфронтация двух мировых систем, во главе которых стояли СССР и США, идеологические препоны, нередко оказывавшие свое негативное воздействие, различного рода трудности в экономике СССР, противодействие развитию рассматриваемых нами отношений со стороны США, проамериканских сил и недругов СССР в самой Латинской Америке. Сказывались и такие объективные факторы, как дальность расстояния между СССР и Латинской Америкой, отсутствие связей, прежде всего, экономических, через Тихий океан.

И все же, подводя итоги, следует подчеркнуть, что, развивая свои контакты с латиноамериканскими государствами, Советский Союз исходил, прежде всего, как из своих национальных интересов, так и необходимых потребностей. Несомненно, что к началу 90-х гг., перед распадом СССР, в советско-латиноамериканских отношениях, несмотря на те или иные неиспользованные возможности, были достигнуты бесспорные положительные результаты в политической, экономической и культурной областях, а сами же эти отношения стали составным звеном советской внешней политики. Важно подчеркнуть и то другое, что сближало СССР и страны этого региона на мировой арене – это близость или общность их позиций по актуальным проблемам того времени, связанными с укрепле-

нием мира, всеобщей безопасности, развития международного экономического сотрудничества, борьбой против угрозы ядерной войны, вмешательства во внутренние дела и укреплением национального суверенитета обеих сторон.

А. А. СЛИНЬКО

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Традиционные разновидности латиноамериканского революционаризма (анархистский, либеральный, консервативный) в настоящее время дополняются его региональными типами.

Революционаризм в Латинской Америке – это массовое настроение, объединяющее «верхи» и «низы», направленное против отсталости и реакции, имеющее целью реализацию «политического идеала» процветания латиноамериканских обществ.

Революционаризм может вдохновлять и оппозицию, и правящую элиту. Ныне сторонники различных оттенков революционаристских партий и движений находятся у власти в большинстве стран Латинской Америки.

Особенностью мексиканского революционаризма является его институциональный характер – левые, не добрав доли процента на выборах, смогли остановиться у «последней черты», не допустив развязывания гражданской войны.

Патриотический революционаризм в Панаме выразился в преемственности дела Таррихоса «освобождения» зоны Панамского канала. Беспорная победа на выборах сына генерала продемонстрировала желание народа сохранить именно то, что объединяет его с Латинской Америкой – антиимпериалистическую традицию, а не то, что разделяет (возникновение Панамы из распавшейся Колумбии).

Венесуэльский народный революционаризм У. Чавеса означает попытку преодоления кастового раскола страны, где итальянские предприниматели, испанские буржуа и «черные» льянерос представляют собой изолированные группы. Кастовый раскол делал Латинскую Америку беззащитной перед США, а Чавес раскрыл корни этой слабости.

Технократический революционаризм бразильских левых во главе с И. Лулу да Силвой означает напряженный поиск рациональных каналов помощи низшим социальным слоям без разорительного идеологического патернализма (к примеру, субсидирование высшего образования для детей из бедных семей).

Аргентинский хустисиалистский революционаризм президента Киршнера базируется на жесткой антиимпериалистической основе при попытках возрождения конкурентоспособной экономики и характеризуется большей бескомпромиссностью по отношению к США и Великобритании, чем даже известный своим антиамериканским популизмом классический перонизм.

Социально-элитарный революционаризм в Чили основан на анклавном авангардном вхождении Чили в мировую глобальную экономику, на слиянии либерализма и социализма («третий путь» Тони Блэра), на последовательном феминизме, а также попытке войти в некое новое политическое измерение, сближающее Чили с США, но при сохранении сильных национальных традиций. Эта позиция правее испанских социалистов тем не менее изначально имеет прочную антидиктаторскую основу.

Уругвайский цивилизованный революционаризм правящих ныне левых – это протест городской интеллигенции и против неолиберальных идей, и против убийственного анархического революционаризма «Тупамарос».

Боливийский индейский революционаризм носит черты классического конфликта цивилизаций, но в гораздо большей степени сходен с антирасистским движением У. Чавеса. Социально-революционный аспект используется боливийской буржуазией для сохранения кастовой униженности индейца. Теперь этот иезуитско-революционный сценарий не работает.

Эквадорский антиолигархический революционаризм выступает против особенно чувствительного в условиях экономического кризиса парламентского кретинизма традиционной олигархии. Реформаторы пытаются избавить страну от наиболее вопиющих проявлений политической отсталости.

Наконец, апристский либерально-масонский революционаризм в Перу (лозунг ранней АПРА: «Только бог спасет мою душу, только АПРА спасет Перу») означает мистическое стремление либеральной элиты путем изоцренных компромиссов искать выход в тупиковых ситуациях. К примеру, нынешний президент А. Гарсия смог прийти к власти лишь путем «невозможного компромисса», договорившись о сотрудничестве со сторонниками бывшего президента А. Фухимори.

Таким образом, региональная специфика революционаризма в Латинской Америке становится все более рельефной, что означает приспособленность революционаристских форм политической жизни к традициям и условиям Латинской Америки.

**СССР–РОССИЯ–МЕКСИКА:
У ИСТОКОВ ОТНОШЕНИЙ**

---

83 года назад в августе 1924 года произошло событие, определяющее до сегодняшнего дня историю и характер отношений между тогда СССР, а сейчас Россией, и одной из крупнейших стран Латинской Америки - Мексикой - отношений дружественных, стабильных, основанных на взаимопонимании и общих подходах к актуальным проблемам прошлого и современности. 2 августа 1924 года назначенный в Мексику советским полпредом Станислав Станиславович Пестковский получил агреман мексиканского правительства, и эта дата считается отправной точкой отсчета отношений наших двух стран. Обе стороны - и советская и мексиканская подошли тогда к этой дате не спонтанно, а подготовленные целым рядом предшествовавших событий и обстоятельств. Что нас сблизило к тому времени? Прежде всего, ряд общих черт Октябрьской революции 1917 г. в России и мексиканской революции 1910-1917 гг. - а именно их антиимпериализм и антимилиитаризм, борьба против их разграбления, направленные в защиту национальных интересов.

Хотелось бы отметить, что после свершения в России Октябрьской революции правительство Мексики не допустило каких-либо осуждающих на этот счет шагов и демонстративных заявлений о разрыве отношений. Наоборот, 6 сентября 1918 г. консул Мексики К. Бауэр в письме наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину от себя и имени мексиканского правительства выразил официальное соболезнование в связи с покушением на Ленина и просил принять его, чтобы лично выразить свои чувства². Мексиканское консульство действовало в Москве по 1920 г. включительно. В мае того же 1920 г. оно выступило с запиской на имя Совета народных комиссаров РСФСР с конкретными предложениями о развитии экономических связей между Мексикой и Советской Россией³. Таким образом, уже тогда мексиканская сторона выражала свое желание не порывать связей с Россией, а наоборот начать их новое развитие. Позиция советской стороны была адекватной. В апреле 1919 г. правительство РСФСР назначило в Мексику своим генконсулом Михаила Грузенберга, его полномочия были подписаны В.И. Лениным. На соответствующих позициях стояли и главы правительств Мексики и России. Так, Грузенберг был, хотя и в частном порядке, принят президентом Мексики В. Каррансой, а Ленин после ознакомления с запиской генконсульства Мексики в Москве, просил руководство Наркомата торговли и промышленности РСФСР обратить на нее внимание.

---

² *Советско-мексиканские отношения (1917-1980)*. - М., 1981. - С. 8 - 9.

³ Там же. - С. 11-12.

Следующий этап в сближении двух стран наступил после окончания гражданской войны в России. Мы помним и по достоинству оцениваем ту продовольственную помощь, которую оказала Мексика, прежде всего от штата Юкатан, голодающим Поволжья. «Благодарность избавленных от ужасов голодной смерти крестьян Поволжья будет вечной наградой отзывчивости мексиканцев» - отмечал в 1922 г. Председатель Российского Красного креста Соловьев⁴.

В том же 1922 г. правительство Мексики заявило о непризнании полномочий бывшего царского дипломата В. Вендхаузена, который пытался выполнять в Мексике консульские функции.

С сентября 1923 г. после того, как Мексика восстановила свои дипломатические отношения с США, появились реальные возможности для налаживания и советско-мексиканских связей. В связи с этим несомненный интерес вызывают позиции обеих сторон в подходе к этому вопросу. Внимательное знакомство с соответствующими документами того времени показывает, что и Мексика и СССР говорили в основном не об установлении между ними дипломатических отношений, а их возобновлении. Эта деталь далеко не так проста, как она может показаться на первый взгляд.

Впервые прямо о нормализации советско-мексиканских отношений разговор состоялся на встрече неофициального представителя НКВД СССР в США Б. Сквирского с послом Мексики в этой стране М. Тельсом (в сентябре 1923 г.), где «после взаимного обмена заверениями в дружественных чувствах» оба собеседника «согласились о необходимости создания нормальных советско-мексиканских отношений». После этой встречи контакты обеих сторон получили дальнейшее развитие. Формулировка «возобновление» отношений проходила в донесениях в свои внешнеполитические ведомства у упомянутого Тельеса (он ссылаясь на свою встречу со Сквирским), полпреда СССР в Германии Бродовского и др, но самое главное в письме зам. наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова Бродовскому (25 октября 1923 г.), где он прямо пишет о «возобновлении отношений»⁵. Чуть позднее о том же возобновлении говорилось в памятной записке полпредства СССР в Берлине, через который велись переговоры по этому вопросу. Анализируя такую формулировку («возобновление»), можно сделать вывод, что обе стороны рассматривали этот акт как продолжение тех дипломатических отношений, которые Россия и Мексика установили в 1890 г., а также как то, что Мексика вполне возможно рассматривала Советский Союз в данном случае, с точки зрения дипломатических контактов, в известной мере, как преемника старой России.

Правда, в официальном заявлении правительства СССР, опубликованном в газете «Известия» (13 августа 1924 г.), говорилось, что прави-

---

⁴ Там же. – С. 13.

⁵ *Документы внешней политики СССР. – М., 1962. – Т. 6. – С. 487.*

тельства обеих стран «постановили... установить» дипломатические отношения.

Таким образом, говоря об этом важном событии, можно с одной стороны квалифицировать его как установление отношений Мексики с новым государственным образованием СССР, а с другой, об известной преемственности этих отношений, перешедших к Советскому Союзу от старой России.

Не менее важен и другой аспект тогдашнего зарождения рассматриваемых нами связей. Как известно, в первые годы советской власти правительство СССР при налаживании своих внешнеполитических отношений настаивало на юридическом признании со стороны иностранных государств. Именно так трактовала этот вопрос при ведении переговоров с Мексикой и советская сторона. Г.В. Чичерин в письме к Сквирскому (сентябрь 1923 г.) писал, что «мы готовы на взаимное признание»⁶. Литвинов в письме Бродовскому (октябрь 1923 г.) прямо указывал, что «мы можем согласиться на возобновление сношений только при условии полного взаимного признания до-юре»⁷. Правда, в заключении письма он, исходя из сложных отношений Мексики с ее северным соседом, писал, что «мы не требуем от Мексики каких-либо торжественных актов о признании нас де-юре и готовы ограничиться обменом нотами об отсутствии препятствий к немедленному возобновлению дипломатических сношений»⁸. Эта гибкая формулировка давала основание для ускорения процесса переговоров, но все же принцип де-юре несколько их тормозил. Видимо, советская сторона не знала или недостаточно учитывала некоторых новых подходов мексиканской дипломатии, исходившей из принципов известной доктрины Каррансы. Об этом, например, говорил мексиканский посланник в Берлине Бродовскому. «Мексиканец, - писал Бродовский, - счел лишним заявлять в протоколе о взаимном признании, полагая, что каждая из стран по всему усмотрению устанавливает свое правительство (подчеркнуто нами - А.С), почему излишне говорить о признании, а достаточно лишь сказать о возобновлении отношений»⁹.

Более чётко подход мексиканцев к этой проблеме был раскрыт в конце июля 1924 г. в телеграмме МИД Мексики ее миссии в Берлине: «...наша страна не правомочна квалифицировать происхождение правительств и, признавая право каждой страны выбирать правительство, которое ей подходит наилучшим образом, не имеет ничего против возобновления в наиболее благоприятный момент отношений с Россией»¹⁰.

В конечном итоге, советская сторона пошла навстречу Мексике. 2 июля 1924 г. находившийся в Берлине Литвинов счел возможным согласиться с мексиканскими предложениями не подписывать никаких прото-

---

⁶ Там же. – С. 443.

⁷ Там же. – С. 487.

⁸ Там же. – С. 487.

⁹ *Документы внешней политики СССР. – М., 1963. – Т. 7. – С. 370.*

¹⁰ *Archivos de relaciones exteriores de Mexico...*

колов, а приступить немедленно к назначению посланников. Тем самым путь к нормализации дипломатических отношений между СССР и Мексикой был открыт. На пост полпреда СССР в Мексике была выдвинута кандидатура С.С. Пестковского, который и получил мексиканский агреман 2 августа 1924 г. Спустя два дня мексиканское правительство в заявлении советскому полпреду в Германии вновь подчеркнуло, что оно «не занимается вопросами о происхождении правительств, ибо мы признаем в самых широких размерах за каждой страной иметь правительство, наиболее для нее подходящее»¹¹. Как мы видим, этот принцип мексиканской дипломатии прямо смыкался с принципом невмешательства этой страны во внутренние дела других государств.

Полпред СССР в Мексике С.С. Пестковский в полной мере олицетворял первое поколение советских дипломатов. Активный участник революционного движения, Октябрьской революции и гражданской войны, комиссар Петроградского телеграфа, откуда ушли первые декреты советской власти, затем в 1918 г. зам. наркома национальностей (т.е. Сталина), с небольшим опытом дипломатической работы в 1921 г. по демаркации советско-польской границы, затем партийный работник - таков был портрет Пестковского. Вместе с тем, это был высокообразованный человек, владевший несколькими европейскими языками, посещавший лекции в Лондонском университете, где он до 1917 г. был в эмиграции.

Перед отъездом к месту назначения Пестковский дал интервью газете «Известия». Он, прежде всего, отметил, что Мексика стала первым государством на американском континенте установившем дипломатические отношения с СССР, подчеркнув далее, что Советское правительство приветствует «великую борьбу мексиканского народа за независимость и что... этот народ останется навсегда другом СССР, стойкого борца за освобождение всех национальностей»¹². Он выразил убеждение, что отношения между СССР и Мексикой могут быть в будущем только дружественными (что в полной мере и подтвердила их история).

Позднее при вручении верительных грамот президенту Мексики А. Обрегону полпред подчеркнул, что вся его деятельность на его посту будет направлена на «укрепление и развитие самых дружественных отношений между обеими государствами»¹³.

В сентябре 1924 г. советское правительство сделало важный дружественный шаг в отношении Мексики: пригласило П. Кальеса, избранного новым президентом страны и приступавшего к своим обязанностям 1 декабря 1924 г., посетить Советский Союз. Хотя Кальес не смог его принять по причинам своего здоровья и срочных дел в Мексике, однако он выразил глубокую благодарность за это, как он отметил «почетное приглаше-

---

¹¹ См.: Ключников Ю.В., Сабанин А.В. *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях* / Ю.В. Ключников. – М., 1928. – Т. 2. – С. 314.

¹² *Известия*, 29.08.1924.

¹³ *Документы внешней политики СССР*. – М., 1963. – Т. 7. – С. 536.

ние» и подчеркнул свои «искренние симпатии» к СССР¹⁴. Забегая вперед, отметим, что в 1926-27 гг. Кальес не поддавался давлению США и продолжал укреплять отношения с СССР, поддерживая благожелательные контакты с советским полпредом А.М. Коллонтай.

30 октября 1924 у. Пестковский и сотрудники советского полпредства прибыли в Веракрус, а на следующий день в Мехико. Помимо чисто протокольной встречи, полпред СССР был встречен многолюдной демонстрацией жителей столицы на привокзальной площади, а затем приветственным митингом у отеля «Рехис», где остановился Пестковский.

Два года проработал Пестковский в Мексике. Главной его заслугой за это время стало укрепление в целом отношений двух стран, привлечение симпатий широкой мексиканской общественности к СССР, налаживание культурного и научного сотрудничества. Именно при Пестковском и при его содействии в Мексике побывали В. Маяковский, группы советских ботаников и нефтяников, профессор-географ из МГУ Б. Добрынин. Частыми гостями в советском полпредстве бывали мексиканские художники Д. Ривера и Д. Сикейрос, ученый и писатель Р. Педруэса, историк М. Мендисабаль и др.

В беседе в 1968 г. с автором этой статьи известный мексиканский экономист и дипломат Хесус Сильва Эрсог вспоминал, что «Пестковский был человеком открытой души, гостеприимным хозяином, умевшим привлекать к себе людей».

На приемах в советском посольстве бывали дипломаты многих стран, даже из тех, кто еще не тогда признал СССР, в том числе из посольств Перу, Колумбии, Кубы, Гватемалы, Аргентины, Чили. «Помещение полпредства, - писала об одном из таких приемов газета «Демократа», - было украшено просто и со вкусом, а его глава со свойственной ему любовью принимал гостей»¹⁵.

В Мексике Пестковский являлся не только полпредом, но и торгпредом. Но в этой второй должности он успел сделать только первые шаги, мешало отсутствие традиций, необходимой экономической базы, сопротивление чуждых сил.

Пестковский закончил свою миссию в Мексике в октябре 1926 г. Отъезжая на родину, он получил немало приветственных адресов то различных мексиканских рабочих и крестьянских организаций. Его не забыли в стране. «Станислав Пестковский, - писал о нем спустя несколько лет Рафаэль Рамос Педруэса, - старый революционер, человек с благородным сердцем... В его лице пролетарская дипломатия показала, как она может сочетать утонченность и изысканность с умением по-братски обращаться к трудящимся. Пестковский оставил о себе в мексиканском народе благо-

---

¹⁴ *Документы внешней политики СССР*. – М., 1963. – Т. 7. – С. 452.

¹⁵ *El Democrata*, 13.03.1920.

дарную и незабываемую память»¹⁶. Впоследствии он, работая в Коминтерне, написал две книги об истории Мексики.

Говоря о первых дипломатах, надо сказать и о первом посланнике Мексики в СССР Базилио Вадильо. Видный политический деятель своей страны, активный участник мексиканской революции 1910-1917 гг. Вадильо вручил верительные грамоты Председателю ЦИК СССР М.И. Калинин 19 ноября 1924 г. (Пестковский это сделал в Мехико 7 ноября). Перед этим в заявлении для советской печати Вадильо говорил, что революционные события в России нашли живой отклик в его стране. «В вопросах международной политики, - заявил посланник, - мексиканский народ и правительство вполне разделяют принципы политики СССР - уважение к суверенитету малых народов и отказ от империалистической политики»¹⁷. Касаясь экономических связей, он указал на список мексиканских товаров и выразил готовность Мексики снабжать СССР необходимыми товарами. Он выразил мнение, что поскольку Мексика имеет в Южной Америке большой авторитет, ее решение о возобновлении отношений с СССР будет принято во внимание в этом регионе и может повлиять на решение его правительств¹⁸.

Вадильо оказал содействие мексиканским ученым-специалистам сельского хозяйства, посетившим СССР в 1925 г. В том же году он по поручению своего правительства достойно представлял Мексику на праздновании 200-летия Российской академии наук. Его имя также вошло в историю мексикано-советских отношений.

Прослеживая весь путь советско, а затем российско-мексиканских отношений, начиная от их истоков в 1924 г., хотелось бы особо подчеркнуть, что они всегда были и есть хорошим примером взаимопонимания, дружбы их народов, отсутствия каких-либо конфликтов, общности и близости взглядов обеих стран на актуальные международные проблемы.

---

¹⁶ *Rafael Ramos Pedrueza. La Estrella roja Doce años de vida soviética / Rafael Ramos Pedrueza. – México, 1929. – P. 158.*

¹⁷ *Известия, 18.11.1924.*

¹⁸ *Известия, 18.11.1924.*

ДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ БОЛИ- ВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация представляет собой процесс, который в значительной мере будет определять историческое развитие в новом веке и связывает все стороны жизни национальных обществ в единой мировой правовой системе. Поэтому глобализация, а также международно-правовое и межгосударственное взаимодействие в условиях глобализации становятся предметом острых дискуссий.

Современные правовые системы переживают сложные времена. Главными действующими лицами на международной арене по-прежнему выступают национальные государства, определяющие, разумеется, и свою внутреннюю политику. Правопорядок каждой страны остается ее важнейшей характеристикой. В то же время усиление интеграционных процессов требует новых ответов на вопросы по поводу динамики соотношения внутреннего и международного права.

Для более четкого и глубокого понимания процессов взаимовлияния международного и внутригосударственного права остановимся кратко на самом понятии «правовая система» и соотношению двух вышеуказанных правовых систем.

Правовая система - это комплексная правовая категория, отражающая, по мнению большинства ученых, правовую сторону организации общества, целостную правовую действительность. Ее предназначение состоит в отображении основных правовых явлений, существующих в конкретном административно-территориальном или национально-государственном образовании, их взаимных связей и отношений с основным, главным компонентом данной системы - правом в его нормативном закреплении¹⁹.

Понятие «правовая система» имеет существенное значение для выявления особенностей «юридической жизни» конкретного государства и поэтому достаточно активно используется в сравнительном правоведении. Обычно в его рамках применяется термин «национальная правовая система», под которым некоторыми авторами понимается «конкретно-историческая совокупность права (законодательства), юридической практики и господствующей правовой идеологии конкретной страны (государства)»²⁰.

---

¹⁹ Гаврилов В.В. Понятие национальной и международной правовых систем / В. В. Гаврилов // Журнал российского права. – 2005. – №11. – С. 17.

²⁰ Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2002. - С. 188.

Небезызвестно, что существует два основных концептуальных подхода к соотношению международного и внутригосударственного права. Первый, дуалистический, предполагает их взаимное параллельно сосуществование. Второй подход отражает примат внутреннего права над международным или же международного над внутренним. В настоящей статье мы будем придерживаться той точки зрения, что любое демократическое, правовое государство прочно «связано» своими международными обязательствами. И влияние международного законодательства на развитие законодательства внутреннего становится все более мощным и стабильным фактором.

Взаимодействие международной правовой системы в целом и национальной правовой системы любого государства охватывает право в его нормативном закреплении, правотворческую и правоприменительную деятельность международных и внутригосударственных институциональных структур, а также правосознание. Импульс к подобному взаимодействию дают события в первую очередь внутригосударственной правовой реальности.

Не является исключением в этом смысле и Латинская Америка, долгое время нуждавшаяся в правовых реформах. Ее исторические корни, приверженность латиноамериканского конституционализма континентально-европейским правовым традициям, а также влияние событий Американской революции, таких, например, как принятие Конституции США 1787 года и Билля о правах 1791 года, создавали отличную почву для реформы всей правовой системы.

Но этого не произошло. Более полутора веков диктатур и гражданских войн, нищеты и крайнего социального неравенства так и не создали условий для воплощения в жизнь принципов, провозглашенных в конституциях новых независимых государств, вышедших из империй Испании и Португалии. Первая конституция испанской Америки, Конституция Венесуэлы, была принята в 1811 году, закрепившая федеративное устройство республики и копировавшая многие положения конституционных документов США. Под влиянием французских правовых документов Конституция Венесуэлы 1811 г. (это стало традицией для латиноамериканского конституционализма в целом) содержала большое количество статей, посвященных общим принципам организации власти и прирожденным правам человека. Однако большую часть периода независимости Венесуэлой правили диктаторские режимы.²¹

---

²¹ До 1811 г. в стране действовало испанское колониальное право. Одной из отличительных черт правового развития Венесуэлы является нестабильность государственного устройства: с 1811 по 1961 г. принято 26 конституций (1811, 1830, 1901, 1947, 1953, 1961 и др.). В 1961 г. после свержения последней диктатуры принята демократическая Конституция, в которой 74 из 252 статей посвящены обязанностям, правам и гарантиям венесуэльского народа. В 1990-е гг. наиболее важным моментом в государственно-правовом развитии страны была борьба за укрепление демократических основ политической системы, создание менее коррумпированной и более эффективной государственной власти. В мае 1993 г. Верховный суд и Сенат Конгресса Венесуэлы приняли решение об отстранении К.А. Переса (избранного Президентом в 1988 г.) от обязанностей главы государства в связи с

До 2000 г. в стране действовала Конституция Республики Венесуэла 1961 г. В конце 1999 г. Учредительное собрание одобрило проект новой Конституции, которая была принята на референдуме 15 декабря 1999 г. и вступила в силу с 1 января 2000 г.²². Принятие нового Основного закона Венесуэлы, с одной стороны, вписывается в общий процесс конституционного реформирования стран Латиноамериканского региона, с другой — противостоит этому процессу. В конце XX в. во многих латиноамериканских странах были приняты новые или реформированы старые конституции. Однако если в большинстве государств Латинской Америки на рубеже XX—XXI вв. к власти пришли правые или центристские силы и конституционные реформы отразили их устремления, то в Венесуэле в президентском кресле оказался едва ли не самый левый за последние десятилетия латиноамериканский президент, что существенно сказывается и на имплементации международно-правовых норм во внутригосударственные нормативные рамки.

Необходимо отметить, что правовые нормы, закрепленные в Основном законе, естественным образом оказывают влияние и на взаимодействие международно-правовых норм с государственной системой права. В связи представляется насущным определить ряд особенностей Конституции Венесуэлы:

Во-первых, кардинальные изменения были внесены Конституцией в организацию национальной государственной власти. Вместо трех традиционных Конституция закрепила пять ветвей власти: законодательную, исполнительную, судебную, а также гражданскую и избирательную. В целом такой подход не нов в латиноамериканском конституционализме. Существование четвертой, избирательной ветви власти провозглашалось, в частности, в Конституции Никарагуа. Но выделение самостоятельной ветвью власти контрольных органов, осуществляющих защиту гражданских прав населения, осуществляется конституционным законодательством впервые;

Во-вторых, исполнительную власть по Конституции возглавляет Президент Республики, который осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, в том числе ведет, заключает и ратифицирует международные договоры;

В-третьих, «как и большинство латиноамериканских основных законов, новая Конституция Венесуэлы выполнена в традициях особой юридической техники. Законодатель стремится определить все главные направления деятельности государства, подробно отразить наиболее важные аспекты его функционирования, закрепить структуру и организацию

обвинениями в коррупции и использовании служебного статуса в целях личного обогащения.

²² *Правовая система Венесуэлы в целом относится к романо-германской правовой семье, входя в ее латиноамериканскую группу. Первоначальной основой для формирования костариканского права выступила правовая культура бывшей метрополии - Испании. Конституционное право во многом следует модели США, на гражданское и уголовное право оказало значительное влияние французское, испанское и итальянское законодательство.*

всех ветвей и уровней власти, различных звеньев государственного аппарата, а также детально закрепить вопросы правового положения личности. Предмет правового регулирования конституций государств Латинской Америки традиционно более широк, чем в конституциях стран Европы, США или Канады. Латиноамериканские конституции, как правило, наряду с собственно конституционно-правовыми решают вопросы, в других странах регулируемые нормами административного, а не конституционного права. В условиях политической нестабильности основные законы стремятся вобрать в себя все важнейшие проблемы, непосредственно связанные с осуществлением государственной власти»²³;

В-четвертых, в целом система органов законодательной и исполнительной власти в соответствии с Конституцией, построена таким образом, чтобы создать сильную, дееспособную национальную исполнительную власть, подчиненную Президенту Республики. Однако тут нельзя забывать и тот факт, что во главе Венесуэлы стоит У. Чавес — политик авторитарного толка, подмявший под себя другие ветви власти, следовательно, венесуэльская реальность сложна и крайне нестабильна.

Также с принятием новой Конституции четче проявились и те недостатки, которые присущи государственной правовой системе страны. Признаки переходности наблюдаются во всех компонентах несовершенной правовой системы современной Венесуэлы. Нерешенность многих правовых вопросов и заимствование неадаптируемых ценностей зарубежной правовой культуры затрудняют понимание и усвоение права широкими слоями населения, формирование правовых традиций в массовом сознании и, следовательно, устойчивое взаимодействие международного и внутригосударственного права. Кризис правосознания общественного развития возникает вследствие несогласования потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций, сознательных правовых образов субъектов правовых отношений. Поэтому движение к правовой государственности должно идти не только по линии совершенствования законодательства, но и повышения уровня правосознания людей.

Что касается влияния норм международного права на национальные отрасли, то своего рода «входной дверью» для них служат принципы и положения конституции Боливарианской Республики как опоры национальной правовой системы. В новой Конституции Венесуэлы вырос удельный вес положений о признании высокой роли принципов и норм международного права. Однако, что касается участия страны в межгосударственных объединениях, то активной интеграции международных правовых норм в этой сфере не наблюдается.

Более того, в силу того, что в Венесуэле международно-правовые нормы объявлены составной частью ее правовой системы, в состав нор-

---

²³ Штатаина М. Организация государственной власти по Конституции Венесуэлы 1999 г. / М. Штатаина // Право и жизнь. — 2000. — №29. — С.16.

мативной компоненты понятия «национальная правовая система» должны быть включены не только нормы внутреннего права Венесуэлы, но принципы и нормы международного права. Сюда же следует отнести и нормы права иностранных государств в случае их применения на территории данной страны в рамках коллизионного метода регулирования

Далее, нормы международного права все еще во многом остаются *tabula rasa* для венесуэльских правоприменительных структур. В то же время в других государствах мира они давно используются в качестве правил поведения, непосредственно определяющих правомерность или противоправность поведения конкретных субъектов.

В современной правовой доктрине Венесуэлы не существует сколько-нибудь четкого представления о том, в каких случаях судебные органы должны использовать договорные и обычные нормы международного права в качестве непосредственных регуляторов отношений, возникающих, например, между частными лицами или между частными лицами и государственными органами, а в каких они этого делать не могут.

Практика применения договорных и обычных норм международного права в правовой системе Венесуэлы еще далека от единообразия и до сих пор характеризуется иногда неопределенностью и противоречивостью. Более того, за все время существования Венесуэлы там не были выработаны основополагающие принципы, позволяющие существенно упорядочить процесс взаимодействия международного и внутреннего права.

Использование этих принципов в повседневной практике деятельности судебных и других правоприменительных органов внесло бы необходимые стабильность и предсказуемость в процесс применения норм международного права в рамках правовой системы Венесуэлы.

Можно отметить, что современное международное право оказывает, в большинстве своем, позитивное влияние на развитие национальной правовой системы Венесуэлы, что определяется тем обстоятельством, что международное право является демократической нормативной правовой системой. В его основополагающих источниках закреплены такие ценности, как суверенное равенство государств, недопустимость применения силы или угрозы силой, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека, разоружение, международное сотрудничество и др. Важно и то, что при помощи международных правовых норм «независимые, действительно равноправные государства образуют устойчивую международную систему, становятся зависимыми не от усмотрения сильного, а от общесогласованных норм международного общения»²⁴. В этом основа международного правопорядка и стабильности.

Приняв за основу идею о единой человеческой цивилизации, можно смело утверждать, что международное право является одним из важнейших факторов, обеспечивающих ее существование. Характерная особен-

---

²⁴ Рыбаков Ю., Скотников Л., Змеевский А. *Примат права в политике* / Ю. Рыбаков, Л. Скотников, А. Змеевский // *Международная жизнь*. - 1989. - N 4. - С. 61-62.

ность нашего времени - беспрецедентная взаимосвязь государств и народов, которую все чаще следует рассматривать как взаимозависимость. А на фоне процессов глобализации происходит повсеместное осознание необходимости развития конструктивного диалога и совместного поиска путей преодоления накопившихся противоречий. Наиболее предпочтительными в данной ситуации оказываются именно международно-правовые механизмы, предполагающие согласованность действий субъектов и поиск компромисса при принятии решений. Кроме того, принимаемые совместными усилиями декларации, конвенции, пакты и резолюции фактически содержат готовую систему прогрессивных идей и ценностей, принятых многими государствами и признаваемых ими в силу своей прогрессивности и распространенности универсальными и общечеловеческими.

Но есть и другая сторона этой проблемы. Сегодня мировое сообщество во многих отношениях все еще продолжает оставаться разобщенным, и не все его субъекты поддерживают происходящие в мире перемены. Не стоит, например, сбрасывать со счетов движение антиглобалистов, верным приверженцем которого остается президент Венесуэлы У. Чавес, достаточно резко выступающий против интеграционных процессов в ряде областей и заявивший, что «дикая неолиберальная» экономическая политика превратила мир в «царство сатаны»²⁵. Возникают общественные движения, выступающие с требованиями предотвратить отрицательные последствия этого процесса. Их участники используют слово «глобализация» как ругательное.

Наиболее заметны в этом плане сохраняющиеся различия между мышлением, образом жизни и национальными правовыми системами соответствующих государств Латинской Америки, среди которых в первую очередь необходимо отметить Венесуэлу и Кубу. В то время как в странах Западной Европы происходит добровольное ограничение прав, присущих суверенитету, в Венесуэле, идет борьба за размежевание с Западом. Венесуэла не приемлет западного образа жизни, потрясающего его собственные устои, и решений этой проблемы еще не найдено. Неслучайно нынешний президент У. Чавес провозгласил создание в Венесуэле «строительства боливарианского социализма XXI века», предполагающего строительство подлинно демократического общества социальной справедливости, основанного на идеалах С. Боливара, идеалах национально-освободительной борьбы латиноамериканских народов.

Несмотря на некоторую категоричность, вышеизложенные факты действительно вызывают опасения у стран Западной Европы и США, и при оценке возможностей участия Венесуэлы в тех или иных универсальных проектах или эффективности выполнения ею своих международных обязательств нельзя не принимать во внимание культурную, этническую, религиозную и историческую специфику данного государства. Междуна-

---

²⁵ *International Herald Tribune*. – 2000. – August 19 – 20.

родное право, подчеркивает С.Л. Рогожин, «продукт сознания, явление одновременно психическое и рациональное. Его содержание зависит от правосознания народов, а правоприменительная практика - от этнических стереотипов поведения, психологических особенностей того или иного этноса. Приходится признать, что в настоящее время достижения юридической антропологии и сравнительного правоведения активно не используются в международном нормотворческом процессе, что, как представляется, влияет на эффективность осуществления ряда многосторонних договоров государствами и народами, представляющими незападные правовые традиции»²⁶.

Указанная проблема имеет особое значение еще и потому, что в последние годы, к сожалению, международное право довольно активно используется в целях обеспечения национальных интересов отдельных держав и, в особенности, США, политика которых подвергается самой острой критике в Венесуэле. Отсюда и вытекает нежелание Венесуэлы строго следовать международно-правовым стандартам, подвергшимся дискредитации со стороны США, поскольку, по мнению У. Чавеса, «следование международным правовым предписаниям перестает удовлетворять национальным потребностям и интересам», и указанные предписания с достаточной легкостью игнорируются и подменяются формулированием довольно абстрактных и сомнительных с правовой точки зрения доктрин и принципов. Результатом таких действий как раз и становится, помимо прочего, насильственное насаждение определенной системы ценностей в Венесуэле, чей историческо-правовой путь развития существенно отличается от американского.

---

²⁶ Рогожин С.Л. *Международное право как диалог и столкновение цивилизаций* / С. Л. Рогожин // *Московский журнал международного права*. - 2002. - N 3. - С. 20.

ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БРАЗИЛИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920 – 1940-Х ГОДОВ

В современной российской историографии достаточно сильны европоцентрические тенденции. В такой ситуации целый комплекс проблем из истории стран Латинской Америки в обобщающих исследованиях по новейшей истории освещается по остаточному принципу. Регион позиционируется как периферия, куда в результате колонизации были автоматически перенесены европейские политические и культурные нормы в их испанском или португальском варианте. С другой стороны, в отечественной латиноамериканистике с ее сильными традициями изучения рабочего и левого движения существует так же целый ряд белых пятен, связанных с историей правой политической традиции.

В советской политологической литературе, особенно – в латиноамериканистике в отношении правых господствовало крайне негативное отношение, а правые идеологи, в зависимости от политической конъюнктуры, преподносились как реакционные или даже фашистские политики. В современной латиноамериканистике, в условиях отказа от идеологических клише и устранения цензурных барьеров, исследований о правых в Латинской Америке, к сожалению, было написано крайне немного. Поэтому, в настоящей статье²⁷ автор попытается ответить на вопрос «Имели ли место процессы аналогичные европейской консервативной революции за пределами Европы»²⁸, затронув ряд проблем на примере бразильской истории в ее правой перспективе.

Вероятно, тот методологический и историографический инструментарий, который автор использовал в этой части исследования может показаться относительно бразильской истории искусственным, хотя периодически среди бразильских интеллектуалов идут дискуссии о путях изучения национальной истории и интеграции бразильского исследовательского дискурса в западный научный контекст в целом²⁹. Американский исследователь истории Бразилии Джэффри Лэззэр, указывая на уникальность

---

²⁷ Автор позиционирует эту статью как продолжение своей более ранней работы, в центре которой ряд проблем, связанных с режимом Ж. Варгаса в Бразилии. См.: Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.

²⁸ Попытка отказа от евроцентризма характерна, например, для исследования В.Э. Молодякова, в рамках которого автор анализирует феномен «консервативной революции» на примере Японии. См.: Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика / В.Э. Молодяков. – М., 1999.

²⁹ Об интеллектуальных дебатах в историческом сообществе в Бразилии см.: Silva Gouvêa M.F. A História política no campo da história cultural / M.F. Silva Gouvêa // Revista de História Regional. – 1998. – Vol. 3. – No 1; Moscateli R. Um Redescobrimto Historiográfico do Brasil / R. Moscateli // Revista de História Regional. – 2000. – Vol. 5. – No 1.

многих процессов бразильской истории, пишет о том, что методы, которые успешно применимы к европейским исследованиям, на бразильской исторической почве могут показаться надуманными³⁰. С другой стороны, по его мнению, некоторые исторические (точнее – историографические) эксперименты могут дать интересные результаты. Поэтому, в настоящей статье автор попытается затронуть такие проблемы как «консервативная революция в Бразилии», «интеллектуальные и литературные дискурсы правой политической традиции в Бразилии 1920 – 1930-годов», «бразильские и европейские правые» не столько в контексте политической истории, сколько в рамках бразильской интеллектуальной истории³¹.

В исследовательской литературе в отношении самого понятия «консервативная революция» нет единого мнения³². С другой стороны, исследовательское сообщество далеко от единства в определении тех стран, которые были затронуты феноменом консервативной революции. Автором термина «консервативная революция» принято считать немецкого историка середины XX века А. Молера, который одну из своих работ так и назвал «Консервативная революция в Германии. 1918 – 1932»³³. Но точка зрения А. Молера, полагавшего, что понятие «консервативная революция» объединяет политические идеи отличные от традиционного монархического консерватизма и крайнего национал-социализма, в отношении самого названия этого явления нашла много оппонентов. Один из критиков А. Молера, который в названии своей программной работы не смог избежать обращения к критикуемому им термину, высказал предположение о большей корректности понятия «новый национализм»³⁴. Иная точка зрения высказана Р. фон дер Бусше, указавшим на возможность определения событий в политической жизни межвоенного Запада в рамках концепта «нового утопизма»³⁵.

В целом, в исследовательской литературе (по инерции продолжающей использовать термин, введенный А. Молером, но сомневающейся в его адекватности³⁶) с «консервативной революцией» относительно четко соотносится несколько явлений, а именно – рост политического влияния

---

³⁰ Lesser J. *Re-Thinking the New Approaches* / J. Lesser // *Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe*. – 2001. – Vol. 12. – No 1. Этот номер израильского журнала посвящен специально истории Бразилии.

³¹ Об «интеллектуальной истории» как направлении исторических исследований в Бразилии см.: Murilo de Carvalho J. *Intellectual History in Brazil: Rhetoric as a Key to Reading* / J. Murilo de Carvalho // *Prismas. Revista de História Intelectual*. – 1998. – No 2. – P. 149 – 168.

³² Обзор основных концепций консервативной революции см.: Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов. *Проблемы интерпретации* / С.Г. Алленов // *Полис. Политические исследования*. – 2003. – № 4. – С. 94 – 107.

³³ Mohler A. *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932* / A. Mohler. – Darmstadt, 1972.

³⁴ Breuer S. *Anatomie der Konservativen Revolution* / S. Breuer. – Darmstadt, 1995.

³⁵ Bussche R. *von den, Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen* / R. von den Bussche. – Heidelberg, 1998.

³⁶ Weißmann K. *Konservative Revolution – Forschungsstand und Unpolitischen* / K. Weißmann // *Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus* / hrsg. C. von Schrenck-Notzing. – Berlin, 2000. – S. 119 – 139; Schildt A. *Konservatismus in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart* / A. Schildt. – München, 1998.

интеллектуалов, которые выступали за отказ от некоторых культурных и политических ценностей западной культуры; создание сильного и независимого государства на основе исконно национальных ценностей того или иного региона; резкая антипатия в отношении либеральных и демократических ценностей, партий и политиков³⁷. Значение политиков, которые были носителями таких идей, трудно определить, но, вероятно, правые консерваторы внесли свой, и немалый, вклад в ослабление либеральных и демократических институтов³⁸, расшатывание основ либеральной демократии. В такой ситуации и на правых лежит часть ответственности за падение демократических режимов и их замену авторитарными или тоталитарными режимами.

В рамках консервативной революции в Европе, хронологически совпавшей с утверждением в рамках бразильской культуры новых тенденций, в первую очередь – модернизма³⁹, имело место усиление деятелей, интеллектуалов и политиков, правого толка, которые ставили под сомнение демократические ценности. Параллельно усиление правых националистических тенденций, которые варьировались между традиционным политическим и религиозным консерватизмом и фашизмом имело место и в других государствах Латинской Америки⁴⁰. В Бразилии в период между двумя мировыми войнами мы можем констатировать существование двух этих тенденций. С одной стороны, в политической жизни страны правые интеллектуалы стали играть более заметную роль, а, с другой, движения нового типа, которые отличались от традиционного консерватизма и от европейского континентального фашизма и национал-социализма, так же стали заметным явлением в политической жизни. Из лидеров правых бразильских интеллектуалов упомянем Оливейру Виану (Francisco José de Oliveira Viana)⁴¹, а политиков – Плиниу Солгадо. Оливейра Виана (1883 – 1951) известен как историк и социолог, исследователь различных проблем бразильской истории, политики, социальной жизни и культуры⁴². Плиниу Солгадо (1895 – 1975) вошел в историю Бра-

---

³⁷ Байссвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения / М. Байссвенгер // Консерватизм в России и мире / ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж, 2004. – Т. 3. – С. 49 – 73.

³⁸ Sontheimer K. *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918. und 1933.* / K. Sontheimer. – München, 1994.

³⁹ Moraea E.J. de, *A brasilidade modernista: sua dimensão filosófica* / E.J. de Moraea. – Rio de Janeiro, 1978.

⁴⁰ Spektorowski A. *Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera* / A. Spektorowski // *Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe.* – 1991. – Vol. 2. – No 1.

⁴¹ Alves Filho A. *Fundamentos metodológicos e ideológicos do pensamento político de Oliveira Viana. Tese de mestrado* / A. Alves Filho. – Rio de Janeiro, 1977; Lima M.R., Cerqueira E.D. *O modelo político de Oliveira Viana* / M.R. Lima, E.D. Cerqueira // *Revista Brasileira de Estudos Políticos.* – 1971. – No 30. – P. 85 – 109; Macieira A. *Mundo e construções de Oliveira Viana* / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Paiva V. *Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo?* / V. Paiva // *Encontros com a Civilização Brasileira.* – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Vieira E.A. *Oliveira Viana e o Estado corporativo (um estudo sobre corporativismo e autoritarismo)* / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976; Murilo de Carvalho J. *A utopia de Oliveira Viana* / J. Murilo de Carvalho // *Estudos Históricos.* – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99.

⁴² Oliveira Viana F.J. de, *Populações meridionais do Brasil* / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1920; Oliveira Viana F.J. de, *O idealismo na evolução política do Império e da República* / F.J. de

зилии как один из крупнейших правых политиков, который ставил под сомнение современные ценности, предлагая радикальный отказ от буржуазной политической культуры в пользу культуры нового типа, которая сочетала бы сильное государство и патерналистскую власть лидера в отношении граждан.

Первая проблема, которая будет в центре настоящей статьи, хронологические рамки консервативной революции в Бразилии. Для их определения нам следует обратиться к истокам консервативной революции в Европе. В западной исторической литературе доминирует точка зрения, согласно которой консервативная революция стала результатом поражения Германской и Австро-Венгерской Империй, что привело, с одной стороны, к разрушению старых политических институтов, и, с другой, вызвало острый идентичностный кризис, связанный с тем, что интеллектуалы и политики, ранее доминировавшие, подверглись значительной маргинализации. В такой ситуации в Германии и Австрии усиливаются правые консервативные группировки и интеллектуалы, которые воспользовались ослаблением старого традиционного консерватизма.

Для Бразилии была характерна совершенно иная ситуация. Первая мировая война не затронула Бразилию в степени сравнимой с ее воздействием на немецкоязычную часть континентальной Европы. С другой стороны, в 1889 году Бразилия испытала серьезные политические потрясения, которые мы можем сравнить с политическими результатами первой мировой войны для Германской и Австро-Венгерской Империй. Речь идет о свержении в Бразилии Империи и установлении республики. Иными словами, если в Германии и Австрии волна недовольства изменениями, вызванными свержением империи, захлестнула местных интеллектуалов в 1920-е годы, то подобные тенденции в политической жизни Бразилии стали очевидны в 1880-е годы.

Свержение Империи привело к немалым изменениям в интеллектуальной жизни Бразилии. В 1890-е годы бразильские интеллектуалы дискутировали над проблемами бразильской идентичности в контексте тех изменений, которые произошли в Бразилии и были вызваны отменой рабства⁴³. В такой ситуации бразильское интеллектуальное сообщество, поставленное перед вызовами республики, в виду того, что далеко не все интеллектуалы приветствовали ее провозглашение, было призвано выра-

---

Oliveira Viana. – São Paulo, 1922; Oliveira Viana F.J. de, A evolução do povo brasileiro / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1923; Oliveira Viana F.J. de, Problemas de política objetiva / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1930; Oliveira Viana F.J. de, Raça e assimilação / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1932; Oliveira Viana F.J. de, Formação étnica do Brasil colonial / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1932; Oliveira Viana F.J. de, Instituições políticas brasileiras / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1949.

⁴³ См.: *Borges D. Puffy, ugly, slothful and inert: degeneration in Brazilian social thought, 1880-1940 // Journal of Latin American Studies. – 1993. – Vol. XXV. – No 2. – P. 235 – 256; Stepan N. The Hour of Eugenics: Race, Gender and Nation in Latin America / N. Stepan. – Ithaca, 1991; Mattoso K. To Be A Slave in Brazil, 1550-1888 / K. Mattoso. – New Brunswick, 1986; Reis J.J. Slave Rebellion in Brazil: The Muslim Uprising of 1835 in Bahia / J.J. Reis. – Baltimore, 1993; Triner G. Race, With or Without Color? Reconciling Brazilian Historiography / G. Triner // *Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe. – 1999. – Vol. 10. – No 1.**

ботать каноны новой политической идентичности, с одной стороны, и популяризации республиканской лояльности, с другой. В течении тридцати лет бразильские интеллектуалы размышляли над исторической судьбой и предназначением Бразилии. Но стимул, который сделал дискуссию более динамичной, пришел из Европы.

В начале 1920-х годов, под явным впечатлением, от европейской, как тогда писали, «великой войны», бразильские интеллектуалы, подобно многим европейцам, в политическом и мировоззренческом плане сместились резко вправо⁴⁴. В период между двумя войнами ряд государств Латинской Америки испытал мощное влияние интегрального национализма⁴⁵, под которым в историографии понимается, как правило, «теория и идеология, альтернативная, с одной стороны, классическому либерализму, и марксистскому социализму, с другой»⁴⁶. В 1920 году Оливейра Виана, о котором мы говорили выше, опубликовал книгу «Южное население в Бразилии»⁴⁷, где предложил новое прочтение расовых проблем и отношений в стране⁴⁸. Виана писал свою книгу в условиях активизации черного населения⁴⁹, с одной стороны, и тем, что бразильские современники определили как «branqueamento» или «arrianização», а американские историки называют трудно переводимым словом «Argyanizing» – массовым притоком белых европейских эмигрантов.

Если консервативная революция в континентальной Европе оказалась крайне непродолжительной и многие ее идеологи пострадали от правых режимов, например от немецкого национал-социализма, то в Бразилии сложилась иная ситуация. Многие правые консервативно ориентированные интеллектуалы смогли успешно интегрироваться в режим «нового государства» Варгаса – например, Оливейра Виана стал министром обра-

---

⁴⁴ См.: Cleary D. *Race, nationalism and social theory in Brazil: rethinking Gilberto Freyre. Paper of David Rockefeller Center for Latin American Studies Harvard University, Harvard University, 1999.*

⁴⁵ О национализме в Латинской Америке в период между двумя мировыми войнами см.: Buchrucker Ch. *Nacionalismo y peronsmo. La Argentina en la crisis ideológica mundial (1927-1955)* / Ch. Buchrucker. – Buenos Aires, 1987; Alvarez Z. *El nacionalismo argentino* / Z. Alvares. – Buenos Aires, 1975; Gerassi M.N. *Los nacionalistas* / M.N. Gerassi. – Buenos Aires, 1968; Senkman L. *Nacionalismo e Inmigración: La Cuestión Etnica en las Elites Liberales e Intelectuales Argentinas: 1919-1940* / L. Senkman // *Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe*. – 1990. – Vol. 1. – No 1. Латиноамериканская «националистическая» проблематика представлена и в исследованиях классика изучения национализма британского политолога и историка Энтони Д. Смита. См.: Smith A.D. *Nacionalismo e indigenismo: la búsqueda de un pasado auténtico* / A.D. Smith // *Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe*. – 1990. – Vol. 1. – No 2.

⁴⁶ Spektorowski A. *Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera* / A. Spektorowski // *Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe*. – 1991. – Vol. 2. – No 1.

⁴⁷ Oliveira Viana F.J. de, *Populações meridionais do Brasil* / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1920.

⁴⁸ Об особенностях расовой ситуации в Бразилии см.: Karasch M. *Slave Life in Rio de Janeiro, 1808-1850* / M. Karasch. – Princeton, 1988; Wade P. *Race and Ethnicity in Latin America* / P. Wade. – L., 1997; Marx A. *Making Race and Nation: A Comparison of the United States, South Africa and Brazil* / A. Marx. – Cambridge, 1998; Skidmore T. *Black into White: Race and Nationality in Brazilian Thought* / T. Skidmore. – Durham, 1993.

⁴⁹ Paiva V. *Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo?* / V. Paiva // *Encontros com a civilização brasileira*. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156.

зования⁵⁰, а некоторые его идеи нашли свое применение, будучи интегрированными в официальный исследовательский дискурс⁵¹. Идеологическая и пропагандистская составляющая политики «нового государства» была невозможна без участия местных интеллектуалов⁵². С другой стороны сам Варгас использовал идеи правых интеллектуалов. В одном из выступлений он, в частности, утверждал: «социальный порядок, мир, труд, терпение ведут нас к тому, что творческие способности народа начинают интенсивно развиваться. Жизнь народа стала лучше и стабильнее... литература, культура, искусства получили новые импульсы интеллектуального и эстетического развития»⁵³. Союз власти и правых авторов сделал возможным и то, что консервативная революция в Бразилии продолжалась несколько дольше чем в континентальной Европе.

Поэтому, работы, которые идейно близки к печатной продукции европейских «консервативных революционеров», в Бразилии выходили и в 1940-е годы, хотя расцвет правой идеи в бразильской политике, период ее наибольшего влияния пришелся на 1930-е годы. В 1942 Кассиану Риккарду опубликовал книгу «Натиск на Запад»⁵⁴, которая базируется на своеобразной дихотомии – Бразилия отличается уникальной расовой ситуацией и многим в своей истории обязана «португальскому гению». С другой стороны, бразильские правоориентированные интеллектуалы в ряде случаев добровольно шли на сотрудничество с режимом Варгаса потому, что полагали, что добровольное соединение культуры с политикой может позитивно сказаться не только на культуре, но и на политике.

В Бразилии периода правления Варгаса имел место своеобразный «призыв интеллектуалов в политику»⁵⁵. Бразильские интеллектуалы охотно откликнулись на это призыв потому, что власть от них требовала только того, к чему они сами стремились – развивать национальную бразильскую культуру. Например, в 1941 году Алмир дэ Андрадэ писал, что «между политикой и культурой существует устойчивое единство, культура способствует тому, что политика вступает в отношения с жизнью и чаяниями народа. Политика, в свою очередь, способствует организации культуры, проявлению своего социально полезного содержания»⁵⁶. Бли-

---

⁵⁰ Vieira E.A. *Oliveira Viana e o Estado corporativo: um estudo sobre corporativismo e autoritarismo* / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976.

⁵¹ О месте идей Оливейры Вианы в Бразилии в период правления Ж. Варгаса см.: Allain Teixeira J.P. *Idealismo e realismo constitucional em Oliveira Viana: análise e perspectivas* / J.P. Allain Teixeira // *Brasília. Revista de Informação Legislativa*. – 1997. – No 135. – P. 99 – 118.

⁵² См.: Capelato M.H. *Propaganda política e construção da identidade nacional coletiva* / M.H. Capelato // *Revista brasileira de história*. – 1996. – Vol. 16. – No 31 – 32; Guimarães S.G. *Ideologia, propaganda e censura no Estado Novo* / S.G. Guimarães. – São Paulo, 1984.

⁵³ Vargas G. *A democracia brasileira diante da América e do mundo* / G. Vargas // *Cultura Política*. – 1941. – No 6; Vargas G. *Discurso em Cuiabá* / G. Vargas // *Cultura Política*. – 1941. – No 7.

⁵⁴ Ricardo C. *Marcha Para Oeste: A Influência da Bandeira na Formação Social e Política do Brasil* / C. Ricardo. – Rio de Janeiro, 1942.

⁵⁵ Bastos E.D., Ridenti M., Rolland D. *Intelectuais: sociedade e política* / E.D. Bastos, M. Ridenti, D. Rolland. – São Paulo, 2003. – P. 86.

⁵⁶ Andrade A. *A bandeira, a democracia e o Estado nacional* / A. Andrade // *Cultura Política*. – 1941. – No 32.

зость интеллектуалов в политической элите создавала благоприятные условия для развития ее некоторых направлений. Кроме этого, некоторые представители интеллектуального сообщества склонялись к тому, что включение культуры в политическую сферу может привести к тому, что политика станет более национальной, а политики будут проявлять больший интерес к самой народной культуре и чаяниям масс.

Между процессами усиления европейских и бразильских правых между двумя мировыми войнами, несмотря на значительное количество локальных особенностей, существует одна весьма существенная особенность. И в Европе и в Бразилии рост популярности правых идеологий, значительная востребованность национализма и консерватизма как массами, так и интеллектуалами, стал ответной реакцией интеллектуального сообщества на левые вызовы. Словно отвечая на левый вызов, политически режим Варгаса стремился позиционировать «новое государство», как строй, который максимально отвечает интересам не только правящей элиты, но и широких слоев населения. Поэтому, в официальном идеологическом дискурсе, например в работах Н. Палмейро⁵⁷, *Estado Novo* позиционировалось как государство, которое в одинаковой степени защищает интересы и рабочих и всех других слоев населения.

В целом, в рамках бразильской консервативной волны, которая захлестнула страну в период правления Ж. Варгаса, мы можем констатировать определенное сближение между правыми, консервативно настроенными, интеллектуалами и режимом⁵⁸. Для определенной части бразильского интеллектуального сообщества, которое на данном этапе пережило процесс активной политизации⁵⁹, режим, установленный Ж. Варгасом, казался своим, и они в качестве такового его и позиционировали. Современные бразильские правые интеллектуалы, связанные в частности с «*Fundação Getúlio Vargas*», в принципе не отрицают того, что между гуманитариями, например, историками и официальными структурами существовали в целом нормальные отношения⁶⁰, а «новое государство», курс на строительство которого взял Варгас, нуждалось в моральном и историческом обосновании, которое были призваны обеспечить интеллектуалы.

Поэтому, режим не применял в их отношении репрессивной политики – поэтому, они культивировали и предлагали бразильскому обществу

⁵⁷ *Palmeiro N. Getúlio Vargas, estadista / N. Palmeiro // Cultura Política. – 1941. – No 6.*

⁵⁸ Подобный феномен был характерен не только для Бразилии, но и для других стран Южной Америки. См.: *Fiorucci F. Neither Warriors Nor Prophets: Peronist and Anti-Peronist Intellectuals, 1945-1956. PhD Thesis / F. Fiorucci. – London, Institute of Latin American Studies, 2002; Fiorucci F. ¿Aliados o enemigos? Los intelectuales en los gobiernos de Vargas y Perón / F. Fiorucci // Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe. – 2004. – Vol. 15. – No 2; Capelato M.H. Os intelectuais e o Poder No Varguismo e Peronismo / M.H. Capelato // História: Questões e Debates. – 1999. – No 13. – 5 – 39; Ciria V.A. Política y cultura popular: la Argentina peronista, 1946-1955 / V.A. Ciria. – Buenos Aires, 1983.*

⁵⁹ О политической роли интеллектуалов см.: *Intellectuals in Politics: From the Dreyfus Affair to the Rushdie Affair / eds. J. Jennings, A. Kemp-Welch. – L.-NY., 1997.*

⁶⁰ *Gomes A. de C. História e Historiadores. A Política Cultural do Estado Novo / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996. «Fundação Getúlio Vargas» выступил в качестве издателя книги.*

особый вариант лояльности режиму, который был скорее авторитарным, чем демократическим⁶¹. Тот вариант постепенной политики модернизации страны без радикальной ломки существовавших политических, культурных и социальных институтов показался бразильским интеллектуалам наиболее оптимальным. С другой стороны, сама политика Варгаса, импортировала бразильским интеллектуалам, в первую очередь – гуманитариям⁶². В 1934 году в Сан-Пауло был основан университет, а в стране было открыто несколько новых музеев, что способствовало развитию бразильской национальной идентичности.

В целом, значительная часть интеллектуального сообщества в Бразилии в период правления Варгаса на страницах, например «*Cultura Política*»⁶³ приветствовала политику, направленную на консолидацию общества, стабилизацию и модернизацию государства⁶⁴. В частности, в 1941 году Нелсон Вернекк Содре приветствовал решительность Варгаса, с которой тот пытался проводить свою политику⁶⁵, а в 1943 году Вольфганг Хоффманн Харниш писал, что политика Варгаса позитивна уже потому, что провозглашенное им «новое государство» способствует превращению Бразилии в национальное государство⁶⁶. С другой стороны, В.Х. Харниш особо подчеркивал, что политика Варгаса, который им позиционировался как выразитель чаяний и надежд бразильцев⁶⁷, направлена на реформирование всего государства в целом.

В то время, как европейские правые интеллектуалы и правые в некоторых странах Латинской Америки⁶⁸, с которыми ассоциируется консервативная революция, были слабы и не смогли консолидироваться вокруг одного политического движения, уступив свое место национал-социализму и близким течениям, то бразильские правые смогли создать движение, которое было и националистическим, и консервативным, ис-

---

⁶¹ О политической и собственно интеллектуальной истории бразильских интеллектуалов в Бразилии между двумя мировыми войнами см.: Miceli S. *Intelectuais à Brasileira* / S. Miceli. – São Paulo, 2001; Pécaut D. *Os intelectuais e a política no Brasil. Entre o povo e a nação* / D. Pécaut. – São Paulo, 1990.

⁶² Pimenta Velloso M. *Os intelectuais e a política cultural do Estado Novo* / M. Pimenta Velloso // *O Brasil Republicano*. – Rio de Janeiro, 2003.

⁶³ Reis Peçanha M., Xavier da Silva C.A., Guimarães Tobias C., Graças de Lima Carneiro M.D. *Os intelectuais e o Estado Novo: um estudo sobre o nacionalismo nas páginas da revista Cultura Política (1941 – 1945)* / M. Reis Peçanha, C.A. Xavier da Silva, C. Guimarães Tobias, M.D. Graças de Lima Carneiro // *Iniciação Científica Newton Paiva 2003-2004* / eds. Astréia Soares, Márcio Venício Barbosa. – Belo Horizonte, 2005. – P. 117 – 133.

⁶⁴ *Cultura Política*. – 1941. – Agosto.

⁶⁵ Sodrê N.W. *O problema da unidade nacional* / N.W. Sodrê // *Cultura Política*. – 1941. – No 6; Sodrê N.W. *Novos aspectos da circulação social no Brasil* / N.W. Sodrê // *Cultura Política*. – 1942. – No 20; Sodrê N.W. *Primeiros documentos literários no Brasil* / N.W. Sodrê // *Cultura Política*. – 1942. – No 17; Sodrê N.W. *Sentimento da nacionalidade na literatura brasileira* / N.W. Sodrê // *Cultura Política*. – 1943. – No 25; Sodrê N.W. *Influência da terra na literatura brasileira* / N.W. Sodrê // *Cultura Política*. – 1943. – No 22.

⁶⁶ Harnisch W.H. *Getúlio Vargas e o Brasil* / W.H. Harnisch // *Cultura Política*. – 1943. – Maio.

⁶⁷ *Cultura Política*. – 1943. – Janeiro.

⁶⁸ Young G.F. *Jorge González von Marées: Chief of Chilean Nazism* / G.F. Young // *Jahrbuch für Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas*. – 1974. – Bd. 11. – S. 309 – 333; Sznajder M. *El Movimiento Nacional Socialista: Nazismo a la chilena* / M. Sznajder // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe*. – 1990. – Vol. 1. – No 1.

пользовало социалистическую риторику, но не вылилось в национал-социализм в его германском варианте. Речь идет об уже упомянутом Плиниу Солгадо⁶⁹. Если германский национал-социализм, появление которого, по мнению ряда исследователей, было невозможно без консервативной революции, отвергал многие фундаментальные идеи европейского консерватизма, из которого и выросла консервативная революция, то бразильские правые в отстаивании подобных ценностей и идеалов были более последовательны. В данном случае наиболее очевиден различный подход к христианским ценностям. Если германские национал-социалисты многие ценности католицизма и протестантизма отвергли, пытаясь заменить их набором ритуалов, которые ими позиционировались как древнее германское язычество, то для движения Плиниу Солгадо, как и для других подобных течений в регионе⁷⁰, было характерно куда более трепетное отношение к католичеству. С другой стороны, если германский национал-социализм усиленно форсировал милитаризацию германской промышленности и ее рост, то Плиниу Солгадо выступал за развитие Бразилии на аграрных началах.

Анализируя проблемы «консервативной революции» в Бразилии между двумя мировыми войнами следует принимать во внимание и немецкий фактор⁷¹, который значительно усилился в политической жизни страны 1930-х годов⁷². Параллельно тенденции к активизации немцев наблюдались не только в Бразилии, но так же в Чили⁷³ в Аргентине⁷⁴. В исследовательской литературе уже неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой в Бразилии, стране со значительным немецким сообществом, компактно сосредоточенным на территории четырех штатов (Сан-Паулу, Парана, Эспириту-Санту, Рио-Гранди-ду-Сул), в межвоенный пе-

---

⁶⁹ Araújo R.B. de, *Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado* / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987.

⁷⁰ Nascimbene M.C., Neuman Conicet M.I. *El nacionalismo católico, el fascismo y la inmigración en la Argentina (1927-1943): una aproximación teórica* / M.C. Nascimbene, M.I. Neuman Conicet // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe*. – 1993. – Vol. 4. – No 1.

⁷¹ В российской историографии нет обобщающих исследований, посвященных роли немецкого населения и германскому фактору в Латинской Америке. Единственная работа общего характера, книга Г.М. Григорьяна, вышедшая в 1974 году, идеологически выдержанная и далекая от какой бы то ни было объективности, в настоящее время может представлять только историографический интерес. См.: Григорьян Ю.М. *Германский империализм в Латинской Америке* / Ю.М. Григорьян. – М., 1974.

⁷² Gertz R.E. *Influencia política alemã no Brasil na década de 1930* / R.E. Gertz // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe*. – 1996. – Vol. 7. – No 1; Gertz R.E. *Alemanha e alemães no Brasil: a ambivalência brasileira na década de 30* / R.E. Gertz // *Relações internacionais dos países americanos* / eds. A.L. Cervo, W. Doepcke. – Brasília, 1994.

⁷³ Potashnik M. *Nacismo. National Socialism in Chile 1932-1938* / M. Potashnik. – LA., 1974; Ojeda Ebert G.J. *El Movimiento Nacional Socialista Chileno. Presentación de fuentes diplomáticas inéditas* / G.J. Ojeda Ebert // *Estudios Latinoamericanos*, 1982 – 1984. – Wrocław, 1985. – P. 249 – 265; Young G. *Jorge González von Marées: Chief of Chilean Nacism* / G. Young // *Jahrbuch für Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas*. – 1974. – Bd. XI. – S. 309 – 333; Alliende González R. *El Jefe. La vida de Jorge González von Marées* / R. Alliende González. – Santiago de Chile, 1990.

⁷⁴ Ebel A. *Das Dritte Reich und Argentinien. Die diplomatischen Beziehungen unter besonderer Berücksichtigung der Handelspolitik (1933-1939)* / A. Ebel. – Köln – Wien, 1971; *Nationalsozialismus und Argentinien* / hsgb. Holger M. Meding. – FaM., 1995.

риод произошла не только активизация местных немцев, особенно консервативно ориентированных интеллектуалов немецкого происхождения⁷⁵, но и имела места дискуссия среди местных бразильских интеллектуалов, которых условно можно разделить на две группировки – на германофилов (*germanófilos*) и нацифилов (*filonazistas*)⁷⁶. В период правления Ж. Варгаса и особенно на этапе активного строительства «нового государства», имели место попытки не только культивировать лояльность среди немецкого населения в отношении правящего режима, но и, в значительной степени, и интегрировать его, в условиях роста популярности среди немцев, живших компактно на юге страны нацистских настроений⁷⁷, в бразильское государство⁷⁸.

Но немецкий фактор, проявлявшийся в межвоенный период в разных формах в Южной Америке в целом⁷⁹, не был единственным, который способствовал росту популярности консервативных идей в Бразилии. Наряду с немецким сообществом на территории Бразилии проживало немало выходцев и из Италии⁸⁰, где пришел к власти первый в истории режим, признанный фашистским, который проявлял немалую заинтересованность не только в положении итальянцев в мире, но и в продвижении фашистской политической доктрины за пределами Италии⁸¹. Как в Бразилии, так и в Италии действовал ряд совместных бразильско-итальянских научно-культурных центров (например, «Amigos da Itália», «Centro Cultural Ítalo-Mineiro», «Centro Cultural Ítalo-Riograndense», «Associazione Brasiliana di Studi Italiani», «Institutos Ítalobrasileiros de Alta Cultura»), активность которых вела к росту популярности консервативных настроений среди бразильских интеллектуалов. Итальянские интеллектуалы в Бразилии стали авторами ряда книг⁸², которые могут быть отнесены к правому консервативному дискурсу в бразильской интеллектуальной истории ме-

---

⁷⁵ Gertz R.E. *O fascismo no sul do Brasil* / R.E. Gertz. – Porto Alegre, 1987.

⁷⁶ Harms-Baltzer K. *Die Nationalisierung der deutschen Einwanderer and ihrer Nachkommen in Brasilien als Problem der deutsch-brasilianischen Beziehungen 1930-1938* / K. Harms-Baltzer. – Berlin, 1970.

⁷⁷ Bartelt D. «Fünfte Kolonne» ohne Plan. *Die Auslandsorganisation der NSDAP in Brasilien, 1931-1939* / D. Bartelt // *Ibero-Amerikanisches Archiv*. – 1993. – Bd. 19. – No 1 – 2. – S. 3 – 35.

⁷⁸ Konrad G. *Vieira Ramos: A política cultural do Estado Novo no Rio Grande do Sul. Dissertação de mestrado* / G. Konrad. – Porto Alegre, Pontifícia Universidade Católica do Rio Grande do Sul, 1994.

⁷⁹ Gaudig O., Veit P. *El Partido Alemán Nacional-socialista en Argentina, Brasil y Chile frente a las comunidades alemanas: 1933-1939* / O. Gaudig, P. Veit // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe*. – 1995. – Vol. 6. – No 2; McGee Deutsch S. *Las Derechas. The Extreme Right in Argentina, Brazil and Chile* / S. McGee Deutsch. – Stanford, 1999. McGee Deutsch S. *Counterrevolution in Argentina, 1900-1932: The Argentine Patriotic League* / S. McGee Deutsch – Lincoln, 1986.

⁸⁰ Bethlem H. *O vale do Itajaí: jornadas de civismo* / H. Bethlem. – Rio de Janeiro, 1939; Nogueira R.A. *Nacionalização do vale do Itajaí* / R.A. Nogueira. – Rio de Janeiro, 1947; Borges S.M. *Italianos: Porto Alegre e o trabalho* / S.M. Borges. – Porto Alegre, 1993.

⁸¹ Об итальянской политике в отношении Бразилии и попытках популяризации фашистского политического опыта см.: Bertonha J.F. *Divulgando o duce o fascismo em terra Brasileira: a propaganda Italiana no Brasil, 1922 – 1943* / J.F. Bertonha // *Revista de História Regional*. – 2000. – Vol. 5. – No 2.

⁸² Calmon P. *Storia della civiltà brasiliana* / P. Calmon. – Rio de Janeiro, 1939; De Carvalho R. *Piccola storia della Letteratura brasiliana* / R. De Carvalho. – Firenze, 1936.

жду двумя мировыми войнами. С другой стороны, на территории Бразилии, в районах компактного проживания итальянцев, существовали отделения фашистской партии, которые косвенно влияли на усиление правых настроений⁸³. В такой ситуации бразильские власти пытались маневрировать между двумя крупнейшими авторитарными режимами нового типа в Европе, подчеркивая свою заинтересованность в достижениях и успехах как германского национал-социализма, так и итальянского фашизма⁸⁴.

С другой стороны, не только национал-социалистическое государство активно вело внешнюю политику, направленную на укрепление немецких позиций в Латинской Америке⁸⁵, но и отдельные немецкие авторы, например правые интеллектуалы из Deutsche Ausland-Institut⁸⁶, вызывая раздражение и местных левоориентированных латиноамериканских авторов⁸⁷, между двумя мировыми войнами проявляли немалый интерес к бразильской проблематике, наблюдая за успехами местных бразильских и немецких правых (особенно – за движением интегралистов⁸⁸), и акцентируя внимание на той роли, которую в усилении консервативных тенденций сыграли бразильские немцы⁸⁹.

Феномен консервативной революции, временного усиления бразильских интеллектуалов правой ориентации, столь активно использовавших консервативную, антилевую и антикоммунистическую риторику был крайне сложным явлением, которое растянулось в бразильской истории на несколько десятилетий. Мы не можем категорически утверждать, что

---

⁸³ Bertonha J.F. *O Brasil, os imigrantes italianos e a política externa fascista, 1922-1943* / J.F. Bertonha // *Revista Brasileira de Política Internacional*. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130; Bertonha J.F. *Sob o Signo do Fascio – O fascismo, os imigrantes italianos e o Brasil, 1919-1945. Tese (Doutorado em História Social)* / J.F. Bertonha. – Campinas, Universidade de Campinas, 1998; Bertonha J.F. *A migração internacional como fator de política externa. Os emigrantes italianos, a expansão imperialista e a política externa da Itália, 1870-1943* / J.F. Bertonha // *Contexto Internacional*. – 1999. – Vol. 21. – No 1. – P. 143 – 164; Bertonha J.F. *Uma política externa não estatal? Os fasci all'estero e a política externa do Partito Nazionale Fascista, 1919-1943* / J.F. Bertonha // *Anos 90*. – 1999. – No 10. – P. 40 – 58.

⁸⁴ Trento A. *Relações entre fascismo e integralismo: o ponto-de-vista do Ministério de Negócios Estrangeiros Italiano* / A. Trento // *Ciência e Cultura*. – 1982. – Vol. 34. – No 12; Trento A. *Fascismo Italiano* / A. Trento. – São Paulo, 1986.

⁸⁵ *Der deutsche Faschismus in Lateinamerika 1933-1943* / hrsg. H. Sanke. – Berlin 1966; Kossok M. *Lateinamerika zwischen Emanzipation und Imperialismus. 1810-1960* / M. Kossok. – Berlin 1961; Frye A. *Nazi Germany and the American Hemisphere 1933-1941* / A. Frye. – New Haven, 1967; Pommerin R. *Das Dritte Reich und Lateinamerika. Die deutsche Politik gegenüber Süd- und Mittelamerika 1939-1942* / R. Pommerin. – Düsseldorf, 1977.

⁸⁶ См.: Ritter E. *Das Deutsche Ausland-Institut in Stuttgart 1917-1945* / E. Ritter. – Wiesbaden, 1976.

⁸⁷ Giudici E. *Hitler conquista América* / E. Giudici. – Buenos Aires, 1938; Tejera A. *Penetración nazi en América Latina* / A. Tejera. – Montevideo, 1938.

⁸⁸ Aldinger B. *Der Integralismus in Brasilien and die Deutschbürtigen* / B. Aldinger // *Eiserne Blätter*. 1935. – Bd. XVII. – No 50. – S. 562 – 566; Kahle M. *Die integralistische Bewegung in Brasilien* / M. Kahle // *Deutsche Arbeit*. – 1935. – Bd. 35. – No 33. – S. 125 – 129; Kahle M. *Der brasilianische Integralismus* / M. Kahle // *Weltpost*. – 1935. – Bd. II. – No 42; Kahle M. *Integralismus - die brasilianische Erneuerungsbewegung* / M. Kahle // *N.S.-Erzieher*. – 1936. – Bd. 4. – No 24; Lechler A. *Der Integralismus in Brasilien: seine Einstellung zur Rassenfrage and zur Kirche* / A. Lehler // *Der deutsche Auswanderer*. – 1935. – Bd. 31. – No 1. – S. 3 – 9.

⁸⁹ Peschke R. *Die Neudeutschen in Brasilien* / R. Peschke // *Der Auslanddeutsche*. – 1926. – Bd. IX. – No 5.

события, последовавшие после свержения Империи и связанные с ранней республиканской историей были аналогичны и тем более идентичны тем явлениям, которые имели место в Европе после завершения первой мировой войны. Но разочарование определенной части интеллектуального общества в ценностях свободы и демократии явно сближает культурную и политическую историю Бразилии с теми процессами, которые имели место, например, в межвоенной Германии и Австрии.

Трудно судить насколько бразильская интеллектуальная история связана с европейской, но в идейных исканиях немецко-австрийских и бразильских интеллектуалов немало общего. Идеи и настроения политической реакции, ностальгирующей и славном прошлом и постоянно рефлексировавшей о неполноценной и ненужной демократии были, вероятно, не смогли бы так громко заявить о себе в Европе, если бы в Бразилии в начале XX века не свершился своеобразный качественный интеллектуальный скачок, совпавший со значительной политизацией общества. Иными словами, в Бразилии произошла своеобразная неонатальная консервативная революция: новые тенденции в политической и культурной жизни стали очевидны, но отсутствовала ясность в отношении их жизнеспособности. Если раннее политическое поле было той сферой, где было место для маневра только политической элиты и аристократии, то XX век, связанный с политизацией масс, изменил ситуацию. Если в Бразильской Империи политическое поле было аморфно и не имело четких границ, то своеобразная консервативная волна первых лет XX столетия, позднее переросшая в бразильский аналог европейской континентальной консервативной революции, разделило бразильское общество на левых и правых, хотя тенденции к его дефрагментации наблюдались и ранее.

Но именно свержение Империи, как специфического типа государства с его патерналистской риторикой, как государства, претендовавшего на статус государства всех белых бразильцев, окончательно зафиксировало выделение в бразильской политике нескольких диаметрально противоположных по своим предпочтениям и интеллектуальным ориентирам спектров. Одним из них оказался правый полюс в бразильской политической и культурной жизни. На правом фланге формировалась своя особая политическая культура, с характерными только для нее типами политической и / или культурной идентичности и политической и / или мировоззренческой лояльности. Каковы были важнейшие признаки этого политического правого дискурса в интеллектуальной истории Бразилии?

Бразильские правые в первой половине XX века сосредоточили свои усилия именно на культивировании и развитии бразильской идентичности. В такой ситуации консервативная революция стала правым ответом на левый идентичностный вызов, который предлагал совершенно новый тип как самой политической идентичности, так и политической лояльности. С другой стороны, консервативная революция отвечала и на тот интеллектуальный вызов, который исходил из прошлого, из имперского периода в истории. Бразильские «новые» правые (а для 1920 – 1930-х годов

идеи были действительно новы) отреагировали на реставрационный имперский вызов, хотя опасность, исходившая от монархистов, была куда меньше, чем опасность, связанная с бразильскими левыми. Поэтому, бразильский правый дискурс окончательно выкристаллизовывается в период между двумя мировыми войнами, особенно – во время правления Ж. Варгаса.

Этот новый дискурс, подобно идеям европейских консервативных революционеров, отличался синкретическим характером и, поэтому, среди идеологических доминант «нового государства» мы находим и политический, гражданский, национализм, и попытки интегрировать в политический инструментарий заряд исходивший от модернистской культурной традиции, и религиозность, которая играла символическую роль, подчеркивая преемственность между различными поколениями правых политиков. Крайнее проявление правого политического дискурса в бразильской политической культуре 1930-х – движение интегралистов, которое представляло собой радикальное, но, вместе с тем, и маргинальное течение в правом движении.

Но если в континентальной Европе немецкие нацисты убили саму идею консервативной революции, дискредитировав ее и развязав вторую мировую войну, то в Бразилии завершение войны, вылившееся в волну демократизации, привело к маргинализации правых интеллектуалов. Уход Ж. Варгаса стал началом конца бразильской правой традиции, выдержанной в духе европейской консервативной революции. Второе правление Ж. Варгаса было коротким и правые с идеями, заложенными еще в 1920-е годы, уже не имели никаких шансов на восстановление своих доминирующих позиций в интеллектуальном и политическом сообществе. Во второй половине XX века правые интеллектуалы уже никогда безраздельно не господствовали в политической и культурной жизни Бразилии, уступив свои позиции политикам левой или умеренной ориентации.

В заключение, обращаясь к той роли, которую сыграли правые интеллектуалы, отметим, что именно они заложили основы для того мощного модернизационного импульса, который доминировал в бразильской истории во второй половине XX столетия. Сложно представить динамичное развитие Бразилии после 1945 года, без Бразилии 1930-х, но, с другой стороны, эта была Бразилия Ж. Варгаса с его «новым государством» и интегралистских шествий, выдержанных в традициях европейского фашизма. Как ни парадоксально звучит, но успехи бразильских левых и демократов в деле модернизации страны были заложены правыми политиками и интеллектуалами, политический триумф которых в 1920 – 1930-е годы, вероятно, можно интерпретировать в категориях консервативной революции.

За последнее десятилетие левые в Латинской Америке добились впечатляющих успехов. После избрания в 1998 г. президентом Венесуэлы Уго Чавеса левые партии или коалиции пришли к власти в Бразилии (2002), Аргентине (2003), Уругвае (2004), Боливии (2005) и Чили (2006). В июле 2006 г. на выборах в конгресс Революционно-демократическая партия (РДП) Мексики стала второй политической силой в стране, нагнав Революционно-институциональную партию (РИП), которая была правящей на протяжении семи десятилетий. Кандидату в президенты от РДП Андресу Мануэлю Лопесу Обрадору для победы на выборах не хватило всего полпроцента. В Никарагуа сандинисты вполне способны одержать победу на предстоящих президентских выборах.

Наблюдаемые нами события не имеют прецедента. Во времена холодной войны страны, которые, как Гватемала в 1950-х или Чили в 1970-х гг., избирали левых президентов, сталкивались с финансовой нестабильностью и военными переворотами, проводимыми при поддержке ЦРУ. Сегодняшние победы на выборах сопряжены с невероятной массовой мобилизацией, а рынки остаются относительно устойчивыми. Кроме того, левые делают успехи без сколько-нибудь серьезного вмешательства со стороны Вашингтона. Все это можно рассматривать в позитивном ключе. Но возрождение левых в Латинской Америке началось после худших экономических показателей в регионе с начала XIX в. Складывающиеся новые политические формы отражают эти условия, и их не следует идеализировать: они соединяют в себе черты прошлого и возможного будущего.

На протяжении четверти века государства и финансовые органы насаждали в Латинской Америке необузданный капитализм. Сегодняшнее коллективное сопротивление важно в глобальном масштабе, так как ограничение свободы действия капитала кажется многим единственным способом, позволяющим остановить дерегулирование и пауперизацию рабочего и среднего класса. И хотя некоторым латиноамериканским демократиям вряд ли удастся создать прочные внутренние экономики, они все же способны критиковать и спорить, заставляя государства и корпорации держать себя в руках. Чавес, отправлявший топливо в Бронкс прошлой зимой, и Куба, предложившая помощь жертвам урагана Катрина,

---

* Клаудио Ломниц – доктор философии, профессор антропологии Колумбийского университета. Текст печатается по изданию: *Прогнозис*. – 2006. – № 4. Перевод с английского Артема Смирнова. Электронная версия: <http://journal.prognosis.ru/a/2006/12/02/129.html>

делают первые шаги в этом направлении. Кроме того, победы различных левых коалиций на выборах в Латинской Америке резонируют с борьбой против свободной торговли и реформы труда в Европе и вообще с международным противодействием идеологии *laissez-faire*.

Возрождение левых при помощи демократической политики делает возможным возникновение менее государственнического, менее мачистского политического стиля, ломающего традицию *patria o muerte*, которая все еще наблюдается в прославлении Фиделя Кастро и преторианстве Чавеса или перуанца Олланта Хумала. В Чили и Бразилии, например, левые предложили прогрессивную программу поддержки гражданских прав; в Мексике они защищают гражданские права от нападков недавно набравших силу католических правых. Хотя латиноамериканские левые неоднозначно относятся к самокритике европейских левых 1970–1980-х гг., они не отказываются от самокритики как таковой. Сегодня появилась феминистская критика, движение коренного населения и другие источники энергии в политической среде, испытавшей глубокое влияние советских идеалов индустриализма, антиимпериализма, национализма и государственничества.

Кроме того, левые разрабатывают новые программы перераспределения, инвестирования в общественные блага и занимаются экспериментированием в децентрализованном управлении и альтернативных средствах распространения информации. Эти усилия оказываются успешными отчасти потому, что они вступают в область демократической конкуренции, которая может быть демагогической или популистской, а может быть и направленной на удовлетворение реальных нужд людей.

Несмотря на такие существенные достижения, трудные вопросы об идентичности недавно пришедших к власти левых и о том, что они могут сделать, по-прежнему остаются без ответа. Для рассмотрения их потенциала я выделил семь мотивов современной политической и избирательной конкуренции. Вместе они образуют своего рода словарь движения, которое пока лучше знает, против чего оно выступает, чем то, что оно поддерживает. Не имея четко сформулированного альтернативного политического проекта, оно колеблется между морализмом, превозносящим гражданские добродетели, старомодным акцентом на государственном регулировании и заимствованиями у неолиберализма. Поскольку такое сочетание не обладает сколько-нибудь заметной структурой и определенностью, оно легко может привести к вождизму, который неотступно сопровождал латиноамериканскую политику с XIX в.

Фундаментализм (обращение к истокам). Призраки прошлого прослеживаются почти во всех шагах латиноамериканских левых. Ни один политический спор не обходится без заявлений о необходимости исправления истории, возвращения к истокам или основополагающему моменту, второму шансу в достижении некоего национального проекта, неосуществленного ранее. Поскольку подлежащие «исправлению» истории описываются как национальные, воображаемые точки отсчета меняются от

страны к стране. Так, предполагается, что победа Эво Моралеса в Боливии должна исправить пятьсот лет колониального угнетения белыми индейцев. Формальной церемонии инаугурации Моралеса перед конгрессом предшествовала другая, «более истинная» инаугурация в Тихуанако, доинкское место, где Моралес предстал перед свежепридуманными «вековыми» символами аймарской власти.

Уго Чавес, напротив, нашел источник национального спасения не в доколониальном прошлом, а в возвращении к основанию национального государства при Симоне Боливаре почти два века тому назад. В Мексике укрепление новых левых началось в 1988 г. под руководством Куаутемока Карденаса, когда возникло движение, которое апеллировало к президентскому правлению Лазаро Карденаса, отца Куаутемока, и периоду проведения аграрной реформы и национализации нефтяной промышленности. Шесть лет спустя сапатистское движение представило себя в виде продолжателей радикальной борьбы Эмилиано Сапаты на вооруженном этапе Мексиканской революции (1910–1920 гг.). В Чили Мишель Бачелет возрождает демократический социализм Сальвадора Альенде, который был убит в 1973 г. вместе с отцом самой Бачелет. В Аргентине, как утверждает Беатрис Сарло, тайна сохраняющегося влияния перонизма заключается в одержимости утраченной возможностью, которая является ключевым мотивом в культе Эвиты. Кризис 2002 г. сделал перонизм единственной политической силой, единственной сильной политической идиомой в стране. В Бразилии избирательный триумф Луиса Инасио Лула да Силва многие считают символическим завершением национального демократического перехода от военного правления, формально закончившегося в 1981 г. А в Уругвае триумф Табаре Васкеса, первую победу левых на президентских выборах в этой стране, также связывают с возрождением раннего демократического наследия 1920-х гг.

Боливия, Венесуэла, Мексика, Уругвай, Аргентина, Бразилия, Чили: 500 лет, 200 лет, 90 лет, 80 лет, 60 лет, 40 лет, 30 лет. Но также: доколониальная эпоха, эпоха раннего республиканства, Мексиканская революция, уругвайская социал-демократия, национальные популярные режимы и демократический социализм. Все это призраки, которые преследуют новый фундаментализм.

Обращение к этим старым призракам явно завершает период скорби по иллюзиям левых времен холодной войны и создателей национального «экономического чуда». Новый фундаментализм позволяет новым режимам вернуться к надеждам эпохи, которая была насильственно вычеркнута из памяти диктатурами 1970-х и экономическими кризисами 1980–1990-х гг.

Но нынешнее возрождение левых происходит без альтернативного экономического проекта, что делает сложным проведение различия между левыми и правыми. И эта сложность, в свою очередь, позволяет объяснить, почему «упущенные возможности» всегда отсылают к определенным национальным традициям и образам автономии и самоуправления.

Опора на националистические идиомы, в свою очередь, вызывает споры о значении нации, о том, кто ее представляет и кто принадлежит к ней. В Венесуэле, где поляризация была наиболее значительной, не прекращаются споры о флаге, о том, кто являются истинными потомками Боливара, и даже о названии страны. И — шире — опора левых на национализм предполагает противопоставление объединенной олигархии иностранным интересам. Правые и центристы также увеличили свои националистические «вложения», забыв о своей глобалистской риторике. Короче говоря, фундаменталистский дискурс латиноамериканских левых опирается на остатки старого националистического дискурса, который в конечном итоге не принадлежит одним только левым.

Коррупция. Возобновление внимания к коррупции сначала произошло благодаря действиям неолиберальных реформаторов 1980-х гг., которые описывали национально-народные режимы предшествующей эпохи как «громоздкие», обремененные неэффективными субсидируемыми или управляемыми государством компаниями, которые могли использоваться для извлечения личной выгоды; а затем разговоры о ней были подхвачены социальными движениями и левыми партиями и избирателями. Провал неолиберальных режимов сам по себе стал считаться следствием новой формы коррупции, больше похожей на вампиризм *chupacabras*, чем на раблезианские излишества предшествующей системы клиентелистского перераспределения — больше похожей на Enron, инсайдерскую торговлю и валютные спекуляции, чем на PEMEX, чрезмерные расходы правительства и предоставление государственных заказов «своим». В некоторых случаях, когда неолиберальные реформы привели к глубоким экономическим кризисам, коррумпированные неолиберальные лидеры демонизировались совершенно по-новому: они становились изгоями и высылались из страны, как это произошло с Карлосом Салинасом де Гортари и его советником Хосе Кордоба в Мексике, Хосе Карвалло в Аргентине и Гонзало Санчес Лосада (Гони) в Боливии.

Эта озабоченность коррупцией образует контуры современной демократической политики и устанавливает ее пределы: чилийского диктатора Аугусто Пиночета нельзя преследовать за убийства без риска вызвать глубокий национальный раскол, но его самого и членов его семьи преследуют за коррупцию. Более того, приверженность прозрачности и независимости центральных банков, понимаемая как ответ на коррупцию, ограничивает свободу действий современного популизма.

Неореспубликанская честность теперь начала противопоставляться неолиберальной идеологии с соответствующим смещением внимания с организации государства как средоточия коррупции на гражданские добродетели лидера и гражданина. Именно поэтому, например, Симон Боливар и Бенито Хуарес — образчики республиканской добродетели XIX столетия, никак не связанные с левыми, — теперь преподносятся как герои новых левых *caudillos*.

Если утренние пробежки, молодость и личное преуспевание были главными признаками современного неолиберального гражданина (иконография, развитая в 1990-х гг. президентами, вроде Фернандо Коллора де Мелло в Бразилии и Карлоса Менема в Аргентине), то раннее пробуждение, сокращение собственной зарплаты, вождение стареньких японских машин и путешествия эконом-классом становятся главными признаками неореспубликанской парадигмы добродетельного гражданства, персонифицируемой такими политиками, как Обрадор и Моралес.

Это новое аскетичное руководство описывает существующую бюрократию как безнадежно слабую, коррумпированную и нуждающуюся в «костылях» пактов, политических инициатив и параллельных институтов, структурированных формально, но подпитываемых гражданской добродетелью.

Политика тела. Новый акцент на гражданской добродетели принес с собой сентиментализм, играющий на образе гражданского общества как средоточии всего истинного, чистого и доброго и, возможно, лучше всего раскрытый сапатистами. Идеал достоинства встречает широкий отклик. Белые воротнички в Аргентине и Уругвае; объединенные в профсоюзы рабочие Бразилии; крестьяне, хозяева мелких лавок и ремесленники в Мексике — все они преподносятся в качестве благородных жертв предательского и развращенного государства и защищаются лидерами новых демократических левых.

И хотя термин «гражданское общество» продолжает использоваться, имеет место неявное, но серьезное противоречие между его значениями: гражданское общество как буржуазная форма объединения с соответствующими средствами массовой информации (газеты, телеканалы) и гражданское общество как необычный способ обращения к тому, кого обычно называли «народом» (*el pueblo*), и народному суверенитету. Новые демократические правые старательно проводят различие между «сбродом» и демократической политикой, основанной на защите индивидуальных прав. Так, например, одна из наиболее спорных практик современной латиноамериканской политики состоит в запрете на проведение политических собраний на городских улицах и дорогах. Эти события описываются в новостях как использование населения заинтересованными группами в своих целях.

По существу, занятие простыми людьми общественного пространства составляет суть конфликта между различными представлениями о гражданском обществе и соответствующей формой демократической политики. Правые политические комментаторы обычно противопоставляют честных граждан “*la chusma*”, уничижительный термин, применяемый к «простолюдинам». Напротив, новые левые различными способами и в различной степени пытаются начать взаимодействие со средним классом, переворачивая традиционный протокол политического участия. Например, мексиканское *Movimiento de 400 Pueblos* в последние годы выходило на улицы Мехико в голом виде. Телесное присутствие пары сотен обна-

женных, низкорослых и темнокожих крестьян и крестьянок — всего лишь один из примеров в длинном перечне новых стратегий, привлекающих внимание средств массовой информации и вызывающих публичное обсуждение.

В ответ латиноамериканские правые используют старые и несколько архаичные формы классовой дискриминации: расистские описания Чавеса как обезьяны, Моралеса как нецивилизованного индейца и Лопеса Обрадора как черной гадюки; классовое описание Лулы как пьянчуги. Все эти формы дискриминации выставляются напоказ, превращаются в полезные политические события, а затем опровергаются при помощи социально-трансгрессивных общественных действий, восходящих в своих истоках к трансгрессивным популистским лидерам, вроде Перрона и Эвиты в Аргентине или, более радикально, мексиканским революционным генералам.

Внешность и индивидуальные черты латиноамериканских президентов приобрели большой символический вес: их личное возвышение в результате победы на выборах осуществляет на деле и оправдывает мораль и достоинство социальных классов и секторов, которые, по замыслу неолиберальных реформаторов, должны были исчезнуть.

Противоречие между формой демократической политики, исключаящей многих бедняков, и формой, основанной на массовой мобилизации, которая может нарушать юридически санкционированные гражданские права, сгущается в теле президента и его собственных нарушениях. Так, для Чавеса важна раса, для Бачелет — мать-одиночка, для Моралеса — этничность, а для Лулы — происхождение из низов общества. Иными словами, имеет место политика идентификации между телом президента и вторжением простых людей в демократический процесс.

Антиимпериализм. До Первой мировой войны ни Соединенные Штаты, ни европейские страны не заботились о мнении Латинской Америки: незачем было заботиться о завоевании умов и сердец, когда канонерские лодки и долларовая дипломатия делали свое дело. Положение начало меняться во время Первой мировой войны с разрушением экономического центра мира. Германия стала интересоваться Мексикой, Панамой, Бразилией и Аргентиной. С возникновением большевизма и фашизма Соединенные Штаты стали проявлять озабоченность мнением Латинской Америки и попытались формировать его при помощи открытых и скрытых средств: кино, забота о здоровье и гигиене, антифашистская пропаганда. Эта озабоченность возросла во время холодной войны, когда для борьбы с коммунизмом был развернут целый аппарат «развития».

Но с окончанием холодной войны политический интерес к мнению Латинской Америки ослаб, и состояние латиноамериканских демократий, как и до начала Первой мировой войны, перестало волновать Соединенные Штаты, Восточную Азию и Европу. Латинскую Америку по-прежнему преследует призрак международной «ненужности», понижения

статуса до уровня Африки и возрастающего отдаления от развивающихся экономик Юго-Восточной Азии.

В этом контексте очевидным успехом новых левых стало возвращение региона в центр международного внимания: много ли писали о Боливии до Моралеса, о Венесуэле до Чавеса и о Латинской Америке до Лулы и Кирчнера?

Смысл современного антиимпериализма понять на так-то просто. Здесь нужно учитывать несколько моментов. Прежде всего, число латиноамериканских демократий, которые предпочли поддержать кастровскую Кубу, а не отречься от нее (шаг, инициированный правительством Винсенте Фокса в Мексике под руководством министра иностранных дел Хорхе Кастанеда, хотя они вынуждены были пойти на попятную из-за давления внутри страны). Другие латиноамериканские страны не имеют ни малейшего желания подражать кубинской экономической модели, но они приветствуют сопротивление Кубы Соединенным Штатам и ее достижения в здравоохранении и образовании.

Активная международная политика Венесуэлы также является региональным новшеством и в некоторых отношениях напоминает международную политику в арабском мире (скажем, Саудовской Аравии или Ирана). Союз Боливии с Венесуэлой, «неудобный» для Бразилии, основывается на политике нефти и газа. Таким образом, внешнеполитический подход правительств, которые выдвигают лозунг национализации добывающей промышленности (и в этом смысле являются государствами, живущими с ренты), отличается от подхода тех, экономика которых зависит от более диверсифицированного портфеля товаров или сельскохозяйственной продукции, с трудом поддающихся регулируемой эксплуатации.

Поэтому противники левых, например в Мексике и Перу, иногда высказывают недовольство угрозами Чавеса, его нефтяным популизмом и нефтяной дипломатией. Левые кандидаты, напротив, склонны связывать выступления против Чавеса с ориентацией на Соединенные Штаты (даже если они пытаются поддерживать дистанцию по отношению к самому Чавесу).

Появление новых левых также вызвало попытки пересмотра роли Латинской Америки в международной экономике. Бразилия пытается осуществить свои давние замыслы по превращению в регионального гегемона, заключая торговые соглашения на юге, а Аргентина увеличивает свой экспорт бобов в Китай. В этом контексте антиимпериализм представляет собой не столько антикапитализм, сколько политику перестройки региональных блоков.

Во всех этих случаях имеет место противоречие между антиамериканизмом как политическим ресурсом и сохранением взаимовыгодного сотрудничества с Америкой. Это противоречие будет иметь большое значение для нового мексиканского правительства, если вспомнить, какие уродливые формы приняла иммиграционная политика Соединенных Штатов в последнее время.

Популизм. Многие черты латиноамериканских левых типичны для демократической политики в регионе в целом. Одна из таких черт — переход от корпоративного государства к гибким формам социального распределения, начиная с программ, вроде «социального либерализма» Solidaridad Салинаса в начале 1990-х гг., и заканчивая перераспределением пенсий Лопеса Обрадора, программой «нулевого голода» Лулы и misiones Чавеса. Каждая из этих программ обеспечивает прямое, целевое распределение ресурсов от федерального правительства (денег, продовольствия, строительных материалов, оказания медицинской помощи или предоставления образования), не опосредованное членством в профсоюзах и выполнением обязанностей социального обеспечения со стороны работодателя.

Правительства левых и правых, по всей видимости, неспособны осуществлять эффективную мобилизацию бюрократических структур, и именно этим вызваны попытки построения параллельных гибких форм государственного вмешательства в гарантии заработка, здравоохранение и образование. Используемые в обход традиционной государственной бюрократии, эти гибкие формы одновременно концентрируют власть в руках ведущих политиков, мэров и президентов. Преобладание этих форм инвестиций — ключевая черта популистской политики левых режимов Латинской Америки, отличающая их от классических популистских режимов 1930, 1940 и 1950-х гг., которые склонны были опираться на профсоюзы и бюрократические структуры. Плебейский привкус нового популизма делает его больше похожим на бонапартистские мобилизации, чем на последовательный, квазифашистский корпоративизм Перрона.

Гибкий популизм может представлять угрозу долгосрочным государственным инвестициям и традиционным конституционным сдержкам и противовесам. Он легко может привести к созданию политических ударных частей, способных ограничивать избирательные процессы. Не случайно, что команда, которая разработала для Салинаса программу «Солидарность» в Мексике, теперь играет важную роль в правительстве Лопеса Обрадора. Политические партии соперничают, предлагая привлекательные программы перераспределения, воруя друг у друга идеи и применяя их независимо от того, кем они были предложены впервые — левыми или правыми. Социальная политика Лулы во многом заимствована у Кардосо, а, с другой стороны, Фокс не раз воровал идеи у своего заклятого врага Лопеса Обрадора. И это еще одно проявление соперничества между левыми и политическими стратегиями неолиберальных правительств.

Консюмеризм. Сегодняшняя политика в Латинской Америке сосредоточена главным образом на потреблении и показной государственной деятельности, нередко в ущерб созданию сильных национальных экономических ниш. В Мексике и особенно в Центральной Америке, но также в Перу, Эквадоре, Боливии и других странах, рабочие, мигрирующие в Соединенные Штаты, Европу и даже Чили и Аргентину, где заработная плата выше, а структура занятости больше подходит для удовлетворения

новых потребностей, задают новые стандарты потребления. Контрабанда наркотиков и других товаров также способствует развитию новых стандартов потребления. Складывается новая разновидность консюмеризма, которая оказывает давление на демократическую жизнь и заставляет правительства реагировать на новые ожидания. Потребительские товары становятся признаками классовых различий в обществах с очень сильным расслоением и неравенством. Говорят, что большинство молодых заключенных в бразильских тюрьмах сидит не за насильственные преступления или наркоторговлю, а за кражу товаров известных марок: Nike, Calvin Klein, Tommy Hilfiger.

Возвращение к классическим формам развивающегося государства может только усугубить проблему в долгосрочной перспективе: образование в этой системе является национальным благом, связанным с национальными проблемами, а не глобально ориентированным благом (позиция, которая зачастую ассоциируется с неолиберализмом). В результате, никто не пытается использовать образование для того, чтобы изменить экономическую нишу нации, как, например, в Индии с ее высокотехнологичной промышленностью. Латиноамериканские левые, возможно, за исключением Чили, еще не готовы ответить на этот вызов. Вместо этого они следуют за неолиберальной тенденцией превращения своих стран в потребительские нации, в своеобразный масскультовый пригород американского пригорода, заполненный подделками.

Реализм. Неолиберальная эпоха создала глубокий раскол в каждой латиноамериканской стране между частями населения, которым свободная торговля и ослабление государства обеспечили процветание, и теми, кто оказались у разбитого корыта. Этот раскол можно было наблюдать повсюду, кроме, возможно, Чили, пионера неолиберализма, где особые условия пиночетовской диктатуры сделали этот раскол менее зримым и обсуждаемым и где удалось добиться определенных успехов в сокращении бедности.

Этот раскол был замечен во всем и имел множество выражений: двуслойная страна, противостояние «подлинной» и «фиктивной» нации, народа и олигархии. Борьба часто описывалась как соперничество по поводу того, что именно является реальным и какая часть экономики лучше всего его представляет.

Неолиберальная фракция первой начала такую борьбу, заявив, что развивающееся государство и «импортозамещающая индустриализация» представляли угрозу экономическим законам и экономической реальности. Левые построили альтернативную версию, включающую бедность, насилие и маргинализацию. В конечном итоге левым удалось отождествить такую альтернативную версию с нацией, а неолиберальные «экономические законы» с махинациями иностранцев (чикагских экономистов или банкиров с Уолл-стрит). Политический проект левых заключался в том, чтобы вывести эту маргинализованную нацию в центр сцены.

Продовольственные бунты в Каракасе в 1989 г. — так называемые *Caracazo*, когда сотни бедняков были расстреляны, а тысячи — сфотографированы и показаны по телевизору, — стали кульминацией ощущения, что преуспевавший Каракас был островом, окруженным и осажденным со всех сторон реальностью бедности, которая постоянно отрицалась. Летом этого года Чавес назвал такое маргинальное реальное основной причиной прихода к власти в Боливии левых.

Не случайно, латиноамериканское кино и литература отвернулись от магического реализма поколений 1960–1970-х гг. и обратились к новому реализму, который занимается тем, что бразильский литературовед Беатрис Ягуарибе называет «шоком реального», грубым изображением городской бедности, насилия, наркотиков и детской проституции.

Левые постоянно подчеркивают свою связь с этой социальной реальностью. Лопес Обрадор, например, в январе начал свою президентскую кампанию в деревне Гуэрреро с заявления о том, будто он выбрал его потому, что он был самым бедным муниципалитетом в стране. А субкоманданте Маркос, написавший руководство по «борьбе за реальность», обычно подписывал свои сообщения для прессы от имени общины Чиапаса словом “*La realidad*”.

Эти разговоры о «реальном» — часть политического языка, восходящего к классическим популистам Латинской Америки — Эвите и Жетулиу Варгас и даже диктаторам-популистам, вроде Трухильо и Дювалье — и осуждаемого многими за популизм и антидемократизм. Это язык грубой трансгрессии простых людей, попирающих протокол и условности. Это язык, который вызывает страх в отдельных секторах, потому что он означает идентификацию между лидером и маргинальными последователями, идентификацию, которая обычно предполагает призыв к классовой ненависти. И классовая ненависть служит важной чертой — или по крайней мере доступным ресурсом — современной демократической политики в регионе.

Но помимо этого в дискурсе реального у левых есть еще один важный регистр: показательные общественные работы. Общественные работы, особенно монументальные общественные работы, служат здесь конкретным образом, противопоставляемым коррупции неолиберальных режимов, которые ничего не построили. Конечно, мексиканцы и бразильцы добились наибольших успехов в этой особой форме монументальности: двухэтажные автострады, ирригационные дамбы, новые здания школ — все богатство эпохи развития 1950-х — теперь используются в качестве примеров того, что может сделать реальное, когда оно находится у власти, что может быть сделано, когда президентом становится достойный гражданин.

Поэтому неореспубликанский образ личности президента дополняется экономической программой нового развития и — нередко — его действительной министерской командой. Сочетание фундаментализма, неореспубликанства и нового развития служит, таким образом, формулой

для расширения государственного контроля над экономикой и вызывающим определенное беспокойство свидетельством бедности воображения левых.

Новые левые не выступают за революцию или против капитализма; они выступают за регулирование. И они продолжают свой поворот к развитию, если не будет предпринято никаких совместных усилий, направленных на разработку альтернативных моделей.

Сегодня латиноамериканских левых раздирают противоречия: это форма демократической политики, которая бросает вызов основным принципам либеральной демократии; это восстание против необузданной глобализации, которое постоянно грозит вернуться к национализму и развивающемуся государству; они стремятся увеличить государственное вмешательство и регулирования, но вынуждены полагаться на «гибкие» формы перераспределения, что сближает их с неолиберальными партиями; они стремятся выработать альтернативные модели реальности и развития, но слишком мало вкладывают в науку, технологию и защиту окружающей среды.

Эти противоречия не остаются незамеченными в латиноамериканских публичных дискуссиях, но их слишком часто бросают как обвинения, а не относятся к ним как к острым вопросам, требующим обсуждения. До тех пор, пока они не будут приняты всерьез, латиноамериканцы останутся с многообещающим идеалом глобального сопротивления, но без сколько-нибудь значимых практических успехов.

Иммануил ВАЛЛЕРСТАЙН

БОЛИВИЯ, БУШ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА*

Беспорядки в Боливии, которые привели к свержению президента, привлекли внимание большого числа американских и европейских газет. Это само по себе удивительно, так как страны вроде Боливии обычно игнорируются даже лучшими газетами (или им уделяется минимальное внимание). Возможно, это результат совокупности событий последних 2 лет, которые отражают изменение линии политического развития Латинской Америки. Вполне вероятно, что Латинская Америка снова окажется в центре внимания.

В 1960-х Латинская Америка жила "революциями". Куба стала символом марша к социализму. Че Гевара символизировал и проводил в жизнь политику так называемой "focoismo" или "революции внутри революции" (что и привело к смерти самого Че, причем именно в Боливии). Новым лозунгом латиноамериканских интеллектуалов стала зависимость,

---

* Печатается по: Скепсис. Научно-просветительский журнал. Перевод Марии Десятовой http://scepsis.ru/library/id_262.html

понятие, выросшее из концепций "центра-периферии" и "девелопментализма", которые впервые были разработаны Раулем Пребишем и Экономической Комиссией ООН для Латинской Америки. Эти интеллектуалы начали открыто выступать против латиноамериканских компартий, считая их реформистскими, контрреволюционными, сотрудничающими де-факто с США и мировым капитализмом. Во многих странах зародилось партизанское движение, и было оно довольно мощным. В Чили Сальвадор Альенде стал президентом в рамках перехода к социализму.

США начали способствовать военным переворотам в ряде государств (Бразилия, Чили, Аргентина, Уругвай), чтобы остановить движение. Волна революций начала спадать в 1970-х, хотя сандинисты в Никарагуа стали последними, кто еще пытался прорваться. В 1980-х стагнация в мир-экономике начала сказываться и на Латинской Америке. Начав "долговой кризис" в 1982 г., Мексика выступила инициатором (хотя в мировом масштабе ее еще в 1980 г. опередила Польша). 1980-е - это уход от девелопментализма, рывок к "демократии" (т.е. избирательной политике) и, в общем, затишье. Различные партизанские движения сошли на нет, добившись права на участие в избирательной политике и, тем самым, сохранив лицо. Крах СССР и коммунистических режимов Восточной и Центральной Европы дезориентировал и разоружил многие левые движения Латинской Америки.

1990-е были периодом, когда США почувствовали, что могут свободно вздохнуть, не опасаясь по поводу Латинской Америки. Мексика согласилась стать участницей Североамериканского Соглашения по Свободной Торговле (North American Free Trade Agreement (NAFTA)). И, наконец, после полувекового единоличного правления Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI) Мексика избрала президентом Винсента Вокса, лидера консервативной, ориентированной на свободу торговли, про-американской партии. Правда, сразу после подписания соглашения NAFTA в Мексике зародилось и начало борьбу социально-политическое движение совершенно нового типа, а именно сапатисты в Чьяпасе, защищавшие интересы угнетенного индейского населения. Движение пользовалось вниманием и поддержкой по всему миру, но США, в общем-то, их не замечали, возможно потому, что сапатисты не покушались на власть. США начали продвигать идею Ассоциации Свободной торговли в Америке (FTAA/ ALCA) и убедили Чили первой поставить свою подпись на одном из формирующих ассоциацию двусторонних соглашений.

Затем в Латинской Америке начался ропот политического недоверия. В разных странах - Эквадоре, Перу, Венесуэле, Бразилии и Аргентине - недовольство принимало разные формы, но одна общая черта у них у всех была. Недовольство зарождалось в среде индейцев и в организованных профсоюзах, а также среди крестьян. Это средние классы не могли определиться со своими интересами. Ни в одной из названных стран правительство не приходило к власти революционным путем, как это было в

1960-х. Но в каждом случае существовало более или менее явное противостояние диктату МВФ и созданию ФТАА. В каждом случае США были не в восторге, но не могли прямо и быстро повлиять на положение вещей, как в 1970-х. Никаких правых переворотов а-ля Пиночет не последовало.

Такова предыстория для Боливии, наверное, беднейшей из всех южноамериканских стран. Боливия была пионером "революционной" волны в Латинской Америке. Революция 1952 г. привела к национализации оловянных копей. Возглавила революцию Конфедерацию Рабочих Боливии (Central Obrero Boliviano (COB), сплотившая шахтеров, большинство которых принадлежали к индейскому населению. Революция оказалась большим потрясением для США, поскольку воинственные настроения профсоюзов в ней соединились с требованиями индейского большинства предоставить им право на участие в политической жизни страны. Чтобы подавить сопротивление, понадобилось 5 лет. Олово на мировом рынке упало в цене, поэтому многие индейцы переключились на производство коки, которое принесло им доход, но одновременно навлекло на них гнев Штатов, которые как раз проводили кампанию по борьбе с наркотиками.

На последних выборах лидер "сocaleros" Эво Моралес, возглавивший движение под названием "Движение к социализму" (Movimiento al Socialismo (MAS), выступавший при поддержке COB и индейских движений, проиграл кандидату-консерватору Гонсало Санчесу де Лосада, причем разрыв между ними был совсем небольшой. Говорят, что когда Санчес встречался с Бушем в Вашингтоне, он пошутил, что выполнит требуемое, но в таком случае следующая их с Бушем встреча состоится во время его, Санчеса, политической ссылки в США. Так и случилось. Когда Санчес предложил торговать боливийским газом по низким ценам, и в довершение выдвинул идею протянуть газопровод к порту, который когда-то принадлежал Боливии, но в 19 веке был отвоеван Чили, страна взорвалась, причем первый толчок произошел в необъятных трущобах Альтиплано, а затем залихорадило и столицу. Потом - высыпавшие на улицы студенты и рабочие (и по официальным данным - COB), скандирующие лозунги, восхваляющие Че Гевару.

США провозглашали поддержку Санчесу, и то же самое сделал генеральный секретарь Организации американских государств. Но восстание было уже в разгаре. И оставшийся в тени вице-президент отказался поддерживать правительство, подготавливая почву для захвата президентского поста. Затем, немного погодя, ко всеобщему удивлению, консервативное правительство Колумбии, самый верный сторонник США в Латинской Америке, проиграло выборы мэра в Боготе (и еще в одном городе, Меделине) профсоюзному лидеру, экс-коммунисту "Лучо" Гарсону. Претензии были по существу все те же: убытки от нео-либеральной политики и требования прекратить производство коки, но в этом случае добавился еще и протест против слишком жесткой линии, которой правительство придерживалось при переговорах с повстанческим движением Вооруженных революционных сил Колумбии (FARC).

Так что вместо революций - серия систематических протестов против политики консерваторов и США. Давайте посмотрим, что же все-таки произошло. В Бразилии выборы наконец-то выиграли "Лула" и Партия трудящихся (Partido dos Trabalhadores (PT)). В Аргентине, образцово-показательной стране МВФ, экономический кризис и политический хаос в конце концов привели к избранию президента, который бросил вызов МВФ, преуспел, и был вознагражден сильной поддержкой, обеспеченной его кандидатам на выборах в мэры. В 2003 г. во время решающего голосования по Ираку в Совете Безопасности ООН Америку не поддержали ни Мексика, ни Чили. В Канкуне предложения по оказанию сопротивления США исходили от Бразилии, причем тоже прошли на ура. К тому же по всей Латинской Америке в индейцах пробуждается политическая активность, а в большей части стран континента именно они составляют большинство населения.

Такой подъем обусловлен двумя одновременно действующими факторами. С одной стороны, США уже не обладает достаточной властью над Латинской Америкой, чтобы диктовать им условия, особенно сейчас, когда Штаты ввязались в военные операции на Ближнем Востоке. С другой стороны, латиноамериканские политические лидеры, особенно левоцентристские, усвоили, что семимильными шагами у них двигаться не получится, но зато вполне хватит сил на то, чтобы делать шаги поменьше, накапливая достижения. Латинская Америка сейчас может сыграть на слабости США. Ключевые факторы в борьбе следующие: насколько сильными станут индейские движения и прочие крестьянские и профсоюзные объединения, какой степени политического влияния они добьются, и, во-вторых, окончатся ли провалом переговоры по ФТАА из-за неготовности США идти на необходимые уступки.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. А. Баутин

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАРКОБИЗНЕС В КОЛУМБИИ

Выбор Колумбии в качестве примера устойчивой связи наркобизнеса, как отрасли теневой экономики и преступной деятельности с внутренним вооруженным конфликтом не случаен. На сегодняшний день Колумбия является крупнейшим поставщиком кокаина на мировой рынок. Порядка 80% (около 700 – 800 т.) всего поступающего на мировые рынки кокаина произведено в Колумбии. Дестабилизирующее влияние наркобизнеса на социально-политическую обстановку в стране переоценить трудно. Наркобизнес затронул все элементы политической системы страны, включая армию, полицию, судебную систему, Конгресс, легальные политические партии и т.д. Наиболее тесная связь с наркобизнесом наблюдается у негосударственных акторов. При этом, надо сказать, что характер и уровень связи наркобизнеса с левыми и правыми группировками достаточно различны, что обусловлено как объективными причинами, например зонами их традиционной ответственности, так и природой и целями самих группировок.

Что касается левого повстанческого движения, то по поводу его связи с наркобизнесом есть достаточно распространенное заблуждение, представленное мифом о «наркопартизанах». В его основе лежит тезис об идеологической деградации левых повстанческих группировок и их трансформации в военно-преступные наркосообщества. Такое понимание является не совсем верным. Действительно в последние десятилетия XX в. повстанческое движение в Колумбии переживало определенную трансформацию, в результате которой участие в наркопроизводстве, хотя и стало существенным, но лишь одним из немногих факторов этой трансформации и занимало важное место в деятельности далеко не всех левых группировок. Наиболее заметную роль участие в наркобизнесе занимало и занимает в деятельности «Революционных вооруженных сил Колумбии» (ФАРК) – крупнейшего повстанческого движения в стране. ФАРК сформировалась на основе крестьянских партизанских отрядов, проявивших себя в ходе сопротивления карательным операциям правительственных сил по подавлению «коммунистического очага» в районе г. Маркеталии в 1964 г. В 1966 г. эти отряды, поддержанные Коммунистической партией Колумбии, объединились в Революционные вооруженные силы Колумбии под командование Мануэля Маруланды – бессменного лидера ФАРК на протяжении последующих десятилетий. На сегодняшний день, несмотря на все попытки правоэкстремистских группировок так называемых «Парамилитарис», и правительственных сил уничтожить ФАРК насчитывает около 17 тыс. бойцов, не считая около 10 тыс. воору-

женных крестьян. Социально-политическая программа ФАРК представляет собой смесь популизма, аграрного социализма и национализма и отражает, преимущественно, интересы мелкого крестьянства, особенно его беднейших слоев и жителей отдаленных районов страны. В основе программы ФАРК лежит требование радикальной аграрной реформы, суть которой заключается в решении аграрного вопроса путем перераспределения земель в пользу мелких крестьян. Эти обстоятельства являются весьма важными для понимания роли повстанческого в наркобизнесе. В силу аграрного характера движения (среди городского населения их поддержка не более 3 %), а также активного вооруженного противодействия со стороны «Парамилитарис» и правительственных сил (политическое крыло ФАРК – «Патриотический союз» показавший на президентских выборах 1986 г. неплохие результаты – было в буквальном смысле слова «выбито» в результате индивидуального и массового террора со стороны «Парамилитарис»). В итоге ФАРК практически не имеет поле для легальной деятельности в общенациональном масштабе. В этих условиях единственной возможностью для ФАРК хотя бы частично реализовать свою программу на практике оставалось внедрение ее элементов в тех районах, которые находились под их контролем. Этим – а не только стремлением контролировать районы возделывания коки – объяснялись изменения в военной стратегии ФАРК 90-х гг. XX в., которые подразумевали переход от традиционной партизанской тактики к дислокации на постоянной основе в обширных по территории, преимущественно, сельских районах.

Именно контроль над выращиванием коки до сих пор остается основной формой участия ФАРК в наркобизнесе. Более того, до тех пор, пока развитие наркобизнеса в Колумбии ограничивалось переработкой и торговлей наркотиками, участие ФАРК в наркопроизводстве было невелико. Повстанцы втянулись в наркобизнес лишь во второй половине 80-х гг. XX в. по мере перехода колумбийской наркоиндустрии на местное сырье. Первоначально основной функцией ФАРК была охрана мелких и средних производителей коки от армии, полиции и произвола крупных наркодельцов. Поскольку первичная переработка нарकोкультур растительного происхождения обычно привязана к зонам их культивирования, постепенно ФАРК установила контроль не только над выращиванием коки, но и над ее первичной обработкой. Постепенно налоговые сборы и оплата других услуг повстанцев, стоимость которых доходит по некоторым позициям до 30% от доходов наркобизнеса, все чаще стали производиться не наличными, а наркотиками, что способствовало втягиванию ФАРК в наркобизнес. Точный объем доходов ФАРК от участия в наркобизнесе оценить трудно, однако большинство экспертов называют цифру в пределах 60 % общего дохода движения. Если доходы ФАРК от участия в наркобизнесе превышают доходы от всех других видов нелегальной деятельности, до доходы других левых группировок от участия в наркобизнесе весьма невелики, и не превышают 15 % их доходов, что

связано с тем, что большинство из них либо не являются аграрными движениями, либо не имеют четко выраженного аграрного характера.

По мере расширения участия ФАРК в производстве и обороте наркотиков у повстанцев сложились «рабочие и стратегические» отношения с наркобизнесом. В экономическом плане отношения между ними приобрели характер прагматического, взаимовыгодного сотрудничества и построены по принципу «разделения труда», который позволяет избежать жесткой конкуренции между повстанцами и наркопредпринимателями. Если повстанцы в основном связаны с наркопроизводством, первичной переработкой и торговлей наркосырьем на местном уровне, то наркогруппировки контролируют производство кокаина и героина, а также торговлю наркотиками на межрегиональном и национальном уровне. Уделом профессионального преступного сообщества остаются и наиболее прибыльные международные операции по транспортировке и торговле наркотиками, в то время как ФАРК практически не участвует в международной торговле наркотиками. В целом, по мере продвижения наркотиков по цепочке от производителя сырья к потребителю конечного продукта роль криминальных организаций возрастает. Подобное «разделение труда» не приводит ни к масштабному конфликту интересов, ни к слиянию группировок двух типов, кроется в фундаментальных различиях в их природе и целях. Для левых же повстанческих группировок наркобизнес сохраняет роль средства финансирования их вооруженной борьбы с правительственными силами в ходе затяжного конфликта, в основе которого лежит нерешенность целого ряда ключевых социально-политических проблем колумбийского общества.

Участие ФАРК в наркобизнесе позволило им обрести устойчивый источник доходов и высокую степень финансовой автономии. Она давала повстанцам возможность поддерживать военный потенциал на таком уровне, который если и не обеспечивал им значительные военные успехи, то был пригоден для защиты районов их базирования и для противостояния правительственным силам на долгосрочной основе. Значительная часть средств, полученных в виде налогов и сборов с наркопроизводства и местной наркоторговли, расходуются повстанцами на самооборону и ведение вооруженных операций против правительственных сил и «Парамилитарис». Средства шли, прежде всего, на приобретение оружия, в котором колумбийские партизаны испытывали недостаток. Значительная часть бюджета ФАРК также шла на выплату регулярного денежного довольствия бойцам, которое превышало средний уровень заработной платы в сельских районах страны и в отдельных районах было эквивалентно 300-400 \$. США в месяц, что в два раза превышало денежные выплаты призывникам колумбийских вооруженных сил.

Следует признать, что наркобизнес, а точнее, наркопроизводство в какой-то степени смягчало остроту социальных противоречий для беднейших слоев сельского населения, особенно в отдаленных районах страны. В этом заключается парадоксальный характер влияния наркобизнеса

на социально-политический конфликт в Колумбии. Наркобизнес фактически способствовал снижению градуса социального недовольства, предотвращая тем самым его массовые неконтролируемые всплески, гарантируя крестьянам в наркопроизводящих районах минимальный уровень доходов и частично поглощая избыточное сельское население из других районов страны. С другой стороны наркобизнес способствовал не только затягиванию, но и криминализации социально-политического конфликта в Колумбии, сохраняя его на уровне низкой интенсивности.

При бесперспективности военно-силового решения проблемы колумбийским властям вряд ли удастся коренным образом пресечь участие антиправительственных формирований в незаконной экономической деятельности, в том числе в контроле над наркопроизводством. На этом пути не будет достигнуто серьезного прогресса, по крайней мере, до тех пор, пока с повстанцами не будет заключено полномасштабное мирное соглашение, движение к которому требует серьезных уступок с обеих сторон.

ПУБЛИКАЦИИ

ПЕРЕВОРОТ 1964 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ БРАЗИЛЬСКОЙ ПРЕССЫ

Jornal do Brasil. – 1964. – março 31.

O Presidente da República sente-se bem na ilegalidade. Está nela e ontem nos disse que vai continuar nela, em atitude de desafio à ordem constitucional, aos regulamentos militares e ao Código Penal Militar. Êle se considera acima da lei. Mas não está. Quanto mais se afunda na ilegalidade, menos forte fica a sua autoridade. Não há autoridade fora da lei. E, os apelos feitos ontem à coesão e à unidade dos sargentos e subordinados em favor daquele que, no dizer do próprio, sempre esteve ao lado dos sargentos, demonstra que a autoridade presidencial busca o amparo físico para suprir o carência de amparo legal.

Pois não pode mais ter amparo legal quem no exercício da Presidência da República, violando o Código Penal Militar, comparece a uma reunião de sargentos para pronunciar discurso altamente demagógico e de incitamento à divisão das Forças Armadas. (...)

Jornal do Brasil. – 1964. – abril, 1.

Quem chegasse às 8h30m da noite de ontem ao Edifício do Jornal e da Rádio Jornal do Brasil não poderia entrar pois encontraria na porta, metralhadora em punho, um fuzileiro naval. E se olhasse pela parede de vidro dos estúdios da Rádio teria a impressão de assistir a um filme de gangsters: quatro outros fuzileiros, comandados pelo Tenente Arinos, moviam-se como gorilas pelo estúdio, seus movimentos tolhidos pelas metralhadoras que ameaçavam microfones, painéis de instrumentos e os funcionários, estupefatos com aquela irrupção de selvajaria tecnológica em plena Avenida Rio Branco.

Era o Brasil regredindo ao estado de republiqueta latino-americana. Os fuzileiros navais, ao chegarem, dispararam dois tiros para o ar diante do prédio e entraram de metralhadoras em punho, pistolas na cinta, até o 5o andar. Tinham ordem de quem? indagamos. Do Ministro da Marinha, disseram. Onde está a ordem? Era verbal. Da Rádio, o Tenente telefonou a um Almirante, sem lhe dizer o nome. O prédio era muito grande, disse. Precisavam reforços. Deixaram dois de guarda na Rádio, outro na porta da rua e foram em busca dos tais reforços, sem dúvida para ocuparem todas as dependências do Jornal do Brasil.

Mas deve estar em desespero o Governo do Sr. João Goulart. Dentro de meia hora, em lugar dos reforços, veio a ordem de retirar. Amontoados no elevador, capacetes na cabeça, metralhadoras se entrechocando e se apoiando

nas costelas dêles próprios, desceram. E passaram diante de populares boquiabertos, na calçada da rua.

Quem humilha assim os bravos Fuzileiros Navais da Marinha do Brasil? Quem os transforma primeiro em gangsters violentos e os faz evacuar em seguida, confusos, um pugilo de homens envergonhados sob o pêsso de tanto material bélico? Quem estimula a indisciplina de marujos e fuzileiros e depois os transforma em bandidos e em seguida em pobres diabos pilhados em flagrante?

A partir de 13 de março o Sr. João Goulart tem injuriado muitos, em muito pouco tempo. Agora, ao que tudo indica, já lhe resta muito pouco tempo para injuriar quem quer que seja."

Ao primeiro minuto de hoje teve início a greve geral em todo o país, por determinação do Comando Geral dos Trabalhadores e em apoio ao Presidente João Goulart, paralisando de imediato os trens da Central do Brasil e da Leopoldina, o Pôrto de Santos e os bondes da Guanabara, com a adesão de universitários.

A decisão da greve foi precipitada pela prisão ontem, no Sindicato dos Estivadores, de vários líderes sindicais pela Polícia Política da Guanabara. A Federação Nacional dos Marítimos, que decretou a greve ontem à noite, denunciou o desaparecimento de quatro estivadores, um líder sindical de Vitória e do Dr. Antônio Pereira Filho, líder dos bancários.

O Partido Comunista Brasileiro responsabilizou ontem os grupos radicais pela precipitação da crise política, tachando de imprudente a tática utilizada por líderes extremados. Acha o PCB que tal atitude conduzirá à união do centro contra a direita, neutralizando assim a ação dos setores mais moderados da esquerda, e que, no seu entender, levará à deposição do Presidente da República, com lastro na opinião pública."

O Governador Carlos Lacerda, embora tenha dito ao seu Secretariado que não acredita na crise nacional, montou um esquema de segurança para o Palácio Guanabara e para as ruas a êle adjacentes, com a qual pretende resistir contra qualquer intervenção federal no Estado da Guanabara.

Às três horas de hoje o Palácio Guanabara deu nota oficial informando que os fuzileiros para lá se dirigiram e chamava o povo para defender o Governador.

Cêrca de 500 homens da Polícia Militar, sob a ordem direta do Secretário de Segurança, General Salvador Mandim, são empregados na defesa do Palácio do Govêrno. Barricadas foram construídas com sacos de areia e os militares permanecem em regime de prontidão.

Correio da Manhã. – 1964. – abril, 1.

A Nação não mais suporta a permanência do Sr. João Goulart à frente do Govêrno. Chegou ao limite a capacidade de tolerá-lo por mais tempo. Não

resta outra saída ao Sr. João Goulart senão a de entregar o Governo ao seu legítimo sucessor. Só há uma coisa a dizer ao Sr. João Goulart: saia.

Durante dois anos o Brasil agüentou um Governo que paralisou o seu desenvolvimento econômico, primando pela completa omissão, o que determinou a completa desordem e a completa anarquia no campo administrativo e financeiro.

Quando o Sr. João Goulart saiu de seu neutro período de omissão foi para comandar a guerra psicológica e criar o clima de intranqüilidade e insegurança que teve o seu auge na total indisciplina que se verificou nas Forças Armadas.

Isso significou e significa um crime de alta traição contra o regime, contra a República, que êle jurou defender.

O Sr. João Goulart iniciou a sedição no país. Não é possível continuar no poder. Jogou os civis contra os militares e os militares contra os próprios militares. É o maior responsável pela guerra fratricida que se esboça no território nacional.

Por ambição pessoal, pois sabemos que o Sr. João Goulart é incapaz de assimilar qualquer ideologia, êle quer permanecer no Governo a qualquer preço.

Todos nós sabemos o que representa de funesto uma ditadura no Brasil, seja ela de direita ou de esquerda, porque o povo, depois de uma larga experiência, reage e reagirá com tôdas as suas fôrças no sentido de preservar a Constituição e as liberdades democráticas.

O Sr. João Goulart não pode permanecer na Presidência da República, não só porque se mostrou incapaz de exercê-la como também porque conspirou contra ela como se verificou pelos seus últimos pronunciamentos e seus últimos atos.

Foi o Sr. João Goulart quem iniciou de caso pensado uma crise política, social e militar, depois de ter provocado a crise financeira com a inflação desordenada e o aumento do custo de vida em proporções gigantescas.

Qualquer ditadura, no Brasil, representa o esmagamento de tôdas as liberdades como aconteceu no passado e como tem acontecido em todos os países que tiveram a desgraça de vê-la vitoriosa.

O Brasil não é mais uma nação de escravos. Contra a desordem, contra a masorca, contra a perspectiva de ditadura, criada pelo próprio Governo atual, opomos a bandeira da legalidade.

Queremos que o Sr. João Goulart devolva ao Congresso, devolva ao povo o mandato que êle não soube honrar.

Nós do Correio da Manhã defendemos intransigentemente em agosto e setembro de 1961 a posse do Sr. João Goulart, a fim de manter a legalidade constitucional. Hoje, como ontem, queremos preservar a Constituição. O Sr. João Goulart deve entregar o Governo ao seu sucessor, porque não pode mais governar o país.

A Nação, a democracia e a liberdade estão em perigo. O povo saberá defendê-las. Nós continuaremos a defendê-las.

À partir da tarde de ontem, principalmente depois que desceram os tanques da Vila Militar, dez dos quais foram colocados em frente ao Ministério da Guerra, onde também se encontram numerosos carros blindados e de combate, a crise político-militar pareceu assumir aspectos realmente perigosos, com a cidade sob o domínio de grande tensão e povo como que à espera de uma revolução a qualquer momento.

À margem dos preparativos da população como que para prevenir-se, sacando nos bancos e adquirindo mantimentos, ocorreram diversos incidentes entre populares e policiais, e dos quais o de maior gravidade se verificou na Federação dos Estivadores, na rua Santa Luzia. Á esta altura, em consequência da paralisação dos trens da Central e da Leopoldina, respectivamente, às 17h30m e às 19h30m, a cidade parecia em colapso no setor de transportes, com grandes filas se formando ao longo dos pontos de ônibus e lotações para a Zona Norte e cidades fluminenses. As sédes das ferrovias e os demais próprios federais passaram, então, a ser guarnecidos por tropas do Exército. A tensão crescia à medida que circulavam as notícias sôbre a situação em Minas, onde já se teria iniciado a revolução. Tôda Minas, principalmente a capital e cidades como Governador Valadares e Juiz de Fora, já anteriormente agitadas, estavam, segundo os comentários, "pegando fogo". As rodas de populares discutindo política se formavam e não eram poucos os incidentes registrados entre os mais exaltados."

"A perspectiva mais alarmante da situação brasileira funda-se num dado concreto que não é possível obscurecer. É o fato de que jamais em nossa História, e até o presente, as esquerdas radicais - nomeadamente o comunismo e suas clássicas correntes auxiliares - estiveram tão à vontade, desfrutaram tanto prestígio e aproximaram-se tanto do êxito quanto no momento atual.

Por mais que negaceie, tergiverse e dissimule, o Sr. João Goulart, ninguém poderá negar - porque está à vista de todos, porque é público e ostensivo - que os elementos chamados de "formação marxista" não somente conseguiram infiltrar-se fãcilmente em todos os postos, como também são os preferidos pelo govêrno para êsses postos, sobretudo os de comando e de direção.

Atualmente, no presente govêrno, que ainda se diz democrata, a ideologia marxista e mesmo a militância comunista indisfarçada constituem recomendação especial aos olhos do govêrno. Como se já estivéssemos em pleno regime "marxista-leninista", com que sonham os que desejam incluir sua pátria no grande império soviético, às ordens do Kremlin. (...)

Enquanto o Congresso Nacional iniciava, em plena madrugada, em Brasília, a votação do "impeachment" do Sr. João Goulart, homiziado no sul, numa sessão tumultuada pela oposição do PTB, que ameaçava ir até o esforço físico para impedir o debate da matéria, o general Amauri Kruehl chegava a São Paulo para conferenciar com o governador Ademar de Barros e ultimar os preparativos para os deslocamentos das tropas que deverão seguir para o Rio Grande do Sul a fim de esmagar o último foco de rebelião concentrado em Pôrto Alegre, sob o comando do Sr. João Goulart e Leonel Brizola.

Ao mesmo tempo, deverão ser abastecidos, hoje, em Santos, os três navios da esquadra, Tamandaré, Pará e Amazonas, que segundo se anuncia, sob o comando geral do almirante Sílvio Heck, rumam para o sul a fim de cooperar no completo esmagamento dos insurretos.

Ao mesmo tempo, por ordem do Sr. Ademar de Barros, começa hoje em São Paulo, o racionamento de gasolina fixado em 70% para as indústrias e transportes coletivos e, em 30% para os carros particulares. A medida vai afetar profundamente o abastecimento de Brasília uma vez que o govêrno do Estado requisitou todos os estoques que transitam em direção à capital federal.

Escorraçado, amordaçado e acovardado deixou o poder como imperativo da legítima vontade popular o sr. João Belchior Marques Goulart, infame líder dos comuno-carreiristas-negocistas-sindicalistas. Um dos maiores gatunos que a história brasileira já registrou, o Sr. João Goulart passa outra vez à história, agora também como um dos grandes covardes que ela já conheceu.

Temos o direito de dizer tudo isso do Sr. João Goulart porque não lhe racionamos os adjetivos certos, por mais contundentes que fossem, na hora em que êle dominava o poder, e posava de líder todo-poderoso da Nação. Como não nos intimidamos na hora em que Jango e os comunistas estavam por cima e amargamos até cadeia, não precisamos nem fazer a demagogia da generosidade. Mesmo porque não pode haver generosidade nem contemplação com canalhas. E Jango, Jurema, Assis Brasil, Arraes, Dagoberto, Darcy Ribeiro, Waldir Pires e toda a quadrilha que assaltou o poder não passam de canalhas.

E além de canalhas, covardes. E além de covardes, cínicos. E além de cínicos, pusilâmines. E além de pusilâmines, desonestos. Bravatearam, fingiram-se machões, disseram que fariam isto e aquilo, mas aos primeiros tiros saíram correndo espavoridos e ainda estão correndo até agora. Alguns, como Aragão, como Assis Brasil, como Crisanto de Figueiredo, como Arraes, como Cunha Melo, como todo o rebotalho comunista, não serão encontrados tão cedo. (...)

Nunca se viu homens tão incapazes, tão desonestos e tão covardes. Agora que o País se livrou do fantasma da comunização podemos repetir o que

vinhamos dizendo exaustivamente: todo comunista é covarde e mau caráter. Os episódios de agora vieram provar que estávamos cobertos de razão. (...)

O Povo brasileiro lavou a alma. O Carnaval que se comemorou ontem em plena chuva só poderia mesmo ter sido feito por um povo que estava precisando dessa desforra que lhe era devida precisamente há 30 meses. O povo que comemorou ontem a queda de jango foi o mesmo que votou contra êle em 1960 e foi traído pela renúncia de Jânio. A comemoração de hoje é pois uma revanche e uma recuperação.

Precisamos agora de organizar o mais rapidamente possível o nôvo govêrno, pois os aproveitadores de sempre já cerram fileiras em tôrno dos cargos, já se apresentam como os heróis de uma batalha que não travaram. Junto com a organização do nôvo govêrno temos que providenciar, também urgentemente, para que os direitos políticos dos que foram ontem legitimamente banidos pelo povo, sejam cassados para sempre. (...)

Não se trata de vingança, nem estamos aqui defendendo o esquartejamento dos derrotados. Mas quando o destino do País está em jôgo, quando se trata de decidir da sorte dos que queriam comunizar o País, não podemos ser generosos ou sentimentais. Para os civis, cassação dos direitos políticos. Para os militares como Assis Brasil, Crisanto, Cunha Melo, Napoleão Nobre, Castor da Nóbrega e para todos os comuno-carreiristas das Fôrças Armadas, o caminho é um só e inevitável: a reforma pura e simples. Não falavam tanto em reforma? Pois apliquemos a fórmula a êles.

Enfim, começa hoje uma nova era para o Brasil. Confiemos no espírito público dos homens que salvaram a democracia brasileira, e no discernimento e superioridade com que o marechal Dutra se conduzirá nos próximos 22 meses.

O Dia. – 1964. – abril 2.

O Sr. Ranieri Mazzilli, presidente da Câmara dos Deputados, poderá assumir ainda hoje a Presidência da República, em virtude do que dispõe o artigo 79 parágrafo 2o da Constituição, que declara: - Vagando os cargos de Presidente e Vice Presidente da República, far-se á eleição 60 dias depois de abertas a última vaga. Se as vagas ocorrerem na segunda metade do período presidencial, a eleição para ambos os cargos será feita 30 dias depois da última vaga, pelo Congresso Nacional, na forma estabelecida em lei. Em qualquer dos casos, os eleitos deverão completar o período dos seus antecessores.

Em consequência, o Sr. Ranieri Mazzilli deverá exercer a Presidência até a posse do novo presidente, a ser eleito no dia 1o de maio próximo pelo Congresso Nacional."

"Em face da absoluta normalidade reinante na cidade com a cessação dos motivos que a determinaram, terminou à zero hora de hoje a greve geral decretada terça-feira.

Todos deverão retornar tranqüilamente ao trabalho, evitando, contudo, aglomerações públicas nas ruas.

Sòmente os bancos ainda permanecerão fechados, hoje e amanhã, em virtude de decreto."

"Brasília, 1o - Até às 22 horas de hoje o Sr. João Goulart ainda se encontrava na Granja do Torto, nesta capital, em companhia de sua espôsa e filhos.

No aeroporto militar, achava-se, pronto para decolar a qualquer instante um "Coronado", moderno jato da Varig, que tanto poderia se dirigir para Buenos Aires como para a Espanha, segundo afirmam fontes ligadas à família presidencial.

Após chegar a Brasília, às 15 horas, o Sr. João Goulart estêve no Palácio do Planalto uns 15 minutos, fechado em seu gabinete, retirando-se depois para a Granja do Torto, onde recebeu poucas pessoas, uma delas o deputado Ranieri Mazzilli, presidente da Câmara dos Deputados. Pessoas, que privam com o Sr. Mazzilli, afirmam que êste ouviu do Sr. João Goulart a declaração de que, antes de partir de Brasília, lhe transmitiria o cargo de Presidente da República. Outras fontes adiantam que o Sr. João Goulart, durante a tarde, estêve redigindo o documento de renúncia, que será enviado ao Congresso de Pôrto Alegre, para onde irá nas próximas horas."

"Pôrto Alegre, 1o - O Sr. João Goulart, cêrca das 23 horas, chegou a esta capital em companhia de sua família e do Sr. darci Ribeiro. Antes de embarcar em Brasília, o Sr. João Goulart conferenciou novamente com o Presidente Ranieri Mazzilli." (...)

"Às treze horas o Sr. João Goulart deixava o Rio, indo para Brasília e, pouco depois, a Cadeia da Liberdade anunciava que o Sr. Goulart havia partido nim avião da Varig para destino ignorado. Todos os comandos militares haviam aderido às tropas do general Castelo Branco. Em recife soldados do IV exército cercaram o Palácio do Governador e prenderam o Sr. Miguel Arrais, por ordem do general Justino Alves.

O ministro Lafaiete de Andrade enviou emissário a Minas para decretar solidariedade ao Supremo Tribunal Federal à revolução.

Às 16 horas, foi lida esta ordem, firmada pelo general Castelo Branco:

"Que as tropas do I Exército cessem todas as operações e voltem aos quartéis".

Era o fim da resistência e a vitória da Revolução.

As autoridades civis e militares estão lembrando a tôda a população que estão em vigor as leis e os códigos. Os culpados por atos condenáveis serão punidos. Aconselham que a população se abstenha de participar de aglomerações e movimentos coletivos. Avisam ainda que a normalidade voltou ao País e cessaram, imediatamente, todos os movimentos grevistas.

Dezenas de automóveis trafegaram pelo centro da cidade, tocando suas businas, em sinal de alegria pela vitória da democracia em todo o País. As estações de rádio e televisão, que estavam sob censura, iniciaram suas transmissões normais, pouco depois das 17 horas. Os contingentes de fuzileiros

navais que ocupavam as redações de alguns jornais, foram recolhidos aos quartéis.

Por volta das 17,15, o Forte de Copacabana anunciava, com uma salva de canhão, a aproximação das tropas do general Amauri Kruehl, que atingiria o Estado da Guanabara às últimas horas da noite de ontem.

A população de Copacabana saiu às ruas, em verdadeiro Carnaval, saudando as tropas do Exército. Chuvas de papéis picados caíam das janelas dos edifícios enquanto o povo dava vazão, nas ruas, ao seu contentamento. (...)

Diário Carioca. – 1964. – abril, 3.

Montevideu - O Sr. João Goulart é esperado neste país com honras de Chefe de Estado - é o telegrama da "United Press International" distribuído, ontem, aos jornais brasileiros.

Grande número de parlamentares e jornalistas se dirigiu ao Aeroporto de Carrasco momentos após ter a Rádio Farroupilha, do Rio Grande do Sul, anunciado apêlo do presidente deposto no sentido de que cessasse a resistência "para evitar derramamento de sangue".

Decidiram as autoridades uruguaias que o presidente deposto seja recebido com honras de Chefe de Estado. Diz mais o telegrama da agência norte-americana que a fronteira está patrulhada por fôrças leais ao Sr. João Goulart. Está garantido qualquer pedido de asilo, para tanto, sido enviadas tropas uruguaias à linha demarcatória dos dois países.

Um destróier uruguaio foi enviado para as proximidades da costa brasileira, prevendo-se a possibilidade de conflitos na fronteira, onde as guarnições continuam leais ao presidente deposto.

O Legislativo reuniu-se, extraordinariamente, para discutir a oportunidade de enviar uma mensagem ao Brasil. Ante a discussão não decisiva, entre as facções favoráveis e contrárias, foi suspensa a sessão. (ANSA - UPI - DC)

Até o momento de encerrármos os trabalhos desta edição não havia confirmação oficial da chegada do Sr. João Goulart a Montevideu. Não se confirmaram, igualmente, as notícias de que o presidente Goulart havia se dirigido cara a capital Paraguaia, Assunção. Notícias de Pôrto Alegre informavam, entretanto, que Jango havia deixado aquela cidade na tarde de ontem."

"Dando por encerrada a "Rêde da Legalidade", às 13 horas de ontem, o prefeito de Pôrto Alegre, Sr. Sereno Chaise, leu a nota oficial alusiva ao ato, salientando em certo trecho que o presidente João Goulart, ao transitar pela capital sulina, dispensara o sacrifício da população gaúcha e de todo o Brasil na resistência ao movimento que o derrubara do poder.

É o seguinte, na íntegra, a nota: "Às primeiras horas de hoje, o presidente João Goulart chegou a Pôrto Alegre. Depois de ficar algum tempo, seguiu viagem. Antes examinou, com autoridades militares, amigos e correligionários,

as condições de resistir ao processo golpista e decidiu dispensar o sacrifício do povo gaúcho e brasileiro.

O deputado Leonel Brizola pede ao povo gaúcho e brasileiro, a todos os patriotas, que enfrentem com serenidade e calma esta difícil passagem.

Encerramos a "Rêde da Legalidade", agradecendo a todo o povo gaúcho e brasileiro que compareceu em massa à sede da Prefeitura de Pôrto Alegre para resistir contra os golpistas. Fizemos tudo para manter a legalidade."

"Confirmando que o esquema do golpe estava montado há algum tempo, o general Olímpio Mourão Filho, já nomeado pelo ministro da Guerra presidente da Petrobrás, falou, ontem, à imprensa, do gabinete do general Costa e Silva.

Afirmou aquêle militar que antes de iniciar sua marcha teve de realizar três operações: silêncio, gaiola e Popay. A primeira consistiu em articular todo o movimento para que não pudesse ser fracassada a marcha do Exército revolucionário, a segunda para propiciar o clima de tranqüilidade do povo, prendendo os líderes que atuavam nas massas trabalhadoras e, a terceira, operação guerra.

As declarações do novo presidente da Petrobrás foram assistidas por vários chefes militares e personalidades do mundo politico-militar.

"Se não ocorresse a prisão dos líderes sindicais - afirmou - nós teríamos a marcha dificultada, pois não conseguiríamos rapidamente o apoio maciço dos companheiros".

O general Olímpio Mourão disse também que "saímos para lutar, prontos para qualquer situação. Felizmente, em lugar do primeiro tiro, encontramos os abraços dos nossos companheiros de farda, porque êles pensavam como nós...

РЕЦЕНЗИИ

В.И. САЛЬНИКОВ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ
УГО ЧАВЕСА

Дабагян Э.С. Уго Чавес. Политический портрет / Э.С. Дабагян. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 120 с.

В 2005 г. Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук (ИНИОН РАН) издал книгу известного латиноамериканиста Э.С. Дабагяна «Уго Чавес. Политический портрет», где воспроизводится политический портрет президента Венесуэлы Уго Чавеса, анализируются этапы его политической карьеры, мировоззренческие установки, особенности политической стратегии и тактики.

В своей работе Э.С. Дабагян, описывая политическую биографию Уго Чавеса – подполковника парашютного спецназа, в 1992 году «молниеносно, словно вихрь» ворвавшегося на политическую авансцену Венесуэлы, попытавшегося путем путча свергнуть приведший страну к кризису режим К.А. Переса, брошенного в тюрьму, но не утратившего волю к борьбе, и через 7 лет избранного президентом Венесуэлы, который повел ее по пути социальной демократии и революционаризма, привлекает богатый фактический материал, приводит цитаты различных авторов, писавших о Чавесе, для анализа феномена, называемого «чавизм», ученый использует концепции каудилизма, демократического цезаризма в их связи с революционаризмом.

Став после убедительной победы на выборах в 1999 г. президентом страны, Чавес начал решительные конституционные реформы, которые послужили новым толчком в оживлении революционного процесса в Латинской Америке, казалось, уже остановленного свержением правительства Сальвадора Альенде в Чили и поражением сандинистской революции в Никарагуа.

Согласно одобренному общенациональным референдумом 1999 года новому Основному закону страны, Венесуэла провозглашалась Боливарианской Республикой Венесуэлой, взамен двухпалатного парламента в качестве высшего законодательного органа получила однопалатную Национальную ассамблею, избираемую на 5 лет на основе пропорционального представительства, причем депутаты этого органа могут быть отозваны избирателями, а срок их бессменного пребывания в Национальной ассамблее ограничен 2 сроками.

Значительно расширил свои полномочия президент: период его мандата увеличился с пяти до шести лет, он имеет право роспуска Национальной ассамблеи, назначения исполнительного вице-президента и (с предварительного согласия НА) Генерального прокурора, как верховный

главнокомандующий обладает исключительной прерогативой присвоения высших воинских званий (что очень важно для Латинской Америки, где армия традиционно принимает активное участие в политическом процессе).

Конституцией вводится пост исполнительного вице-президента, который замещает главу государства в его отсутствие, выполняет его поручения, руководит работой Государственного совета, обладающего функцией высшего консультативного органа при правительстве, и Федерального правительственного совета.

С трех до четырех лет продлен срок полномочий губернаторов и законодательных органов штатов, на 4 года избираются и главы местных администраций.

Высшую судебную власть осуществляет Верховный трибунал юстиции. Члены этого органа, имеющего функциональную, административную и финансовую автономию, избираются на 12 лет без права занятия этой должности в дальнейшем. В условиях отсутствия специального Конституционного суда на Верховный трибунал юстиции, на чьи нужды выделяется не менее 2% национального бюджета, возложена также функция защиты Конституции.

Помимо традиционных ветвей власти предусмотрены еще две. Одна – электоральная (Poder Electoral), в прерогативу которой входит организация выборов властей всех уровней, осуществляемая Национальным избирательным советом, состоящего из пяти членов, не входящих в политические партии и представляющих гражданское общество. Другая – гражданская власть (Poder Ciudadano), которой отводится особое место в решении проблем морально-нравственного характера, в частности, в борьбе с коррупцией. Гражданская власть – практически отсутствующая в других странах, в Венесуэле обладает исключительно широкими полномочиями. Кроме борьбы с коррупцией, она призвана осуществлять тщательный надзор за соблюдением соответствующими ведомствами и учреждениями экономических, социальных, политических, культурных и иных прав человека. Ей принадлежит прерогатива вносить предложения по совершенствованию работы в этой области, вплоть до снятия руководителей с их постов.

Важным представляется включение в Конституцию раздела о референдумах, которые рассматриваются как форма расширения непосредственного демократического участия граждан в решении государственных проблем. Данный раздел вынесен в самое начало документа, чем подчеркивается его особая значимость.

Были расширены политические права военных, которые получили возможность участвовать в голосовании, но им не разрешается состоять в политических партиях.

Конституция гарантирует право частной собственности на средства производства, землю, имущество и т.п. Декларирована всемерная поддержка мелких и средних предпринимателей, особенно коллективных

форм собственности: ассоциаций, кооперативов, сберегательных сообществ и др. В то же время, государство оставляет за собой контроль над базовыми и стратегическими отраслями экономики и право прямого участия в них. Введен запрет на приватизацию государственной нефтяной компании «Петролеос де Венесуэла».

Конституция, в основу которой положены идеи революционной демократии и социальной справедливости, как считает Э.С. Дабагян: «скроена под Чавеса, не скрывающего намерений оставаться на своем посту вплоть до 2013 г.»⁹⁰.

Что же представляет собой Уго Чавес как человек и политик, каковы его мировоззренческие позиции? Как пишет Э.С. Дабагян:

«У Чавеса отсутствует целостная мировоззренческая система. Его воззрения весьма эклектичны. Они представляют собой причудливую смесь различных учений и теорий: боливаризма, марксизма, национализма, ультралевых взглядов, философии дзен-буддизма»⁹¹.

Эклектизм вообще характерен для латиноамериканских политиков и особенно революционных. Еще Симон Боливар, в честь которого названы политическая организация Уго Чавеса – «Революционное боливарианское движение-200» и Республика Венесуэла, сочетал идеи либерализма, национализма, революционаризма и социальной справедливости и не боялся применять авторитарные методы управления. Опираясь на идейное и политическое наследие Освободителя, Уго Чавес не только пытается претендовать на роль продолжателя его идей и замыслов, но и на творческое их развитие, соединяя боливаризм с марксизмом и каудилизмом. Из марксизма Чавес взял тезис о революционном насилии как повивальной бабке истории (что нашло отражение в его склонности к путчизму на ранних этапах его политической карьеры), принцип революционной целесообразности (манипулирование с датами выборов, использование административного ресурса), недоверие к институтам и ценностям буржуазной демократии при приоритете демократии социальной и демократии участия (место политических партий, двухпалатного парламента, Верховного суда и независимых СМИ в Боливарианской Республики заняли стоящая над органами и ветвями власти Национальная Конституционная ассамблея, Конфедерация трудящихся Венесуэлы, Федерация торговых и промышленных палат, государственная нефтяная корпорация, вооруженные силы, а также боливарианские кружки и ячейки, являющиеся внеконституционными органами низовой власти, каналом непосредственной связи народа и президента, подменив политическую систему страны социально-экономической). Из каудилизма, представляющего собой веру в возможность осуществления национальной модернизации и утверждения социальной демократии через власть харизматических лидеров – каудильо, который идеологи, близкие к Чавесу (Сересола, Ланс) характеризуют как

---

⁹⁰ Дабагян Э.С. Уго Чавес. Политический портрет / Э.С. Дабагян. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 21.

⁹¹ Там же. – С. 36.

«демократический цезаризм», чьим основоположником считается не кто иной, как Симон Боливар, Чавес взял веру в собственный мессианизм, стремление к концентрации управления страной в собственных руках, акцент на необходимость взаимодействия президента с низовыми структурами (муниципалитетами, боливарианскими кружками и ячейками) и непосредственно с народными массами, особенно с бедняками и с молодежью. Стиль правления Уго Чавеса – регулярная перегруппировка ближайшего окружения и перетасовка «властной колоды» – также является характерным признаком каудилизма. Соединение идей марксизма и боливаризма при наличии мощной харизмы сближает Уго Чавеса с таким символом латиноамериканского революционаризма как Фидель Кастро, что находит отражение в установлении особо дружественных отношений Венесуэлы и Кубы.

Заявляя о симпатиях к дзен-буддизму, с которым он ознакомился в изложении Лукаса Эстрельи, чья эзотерическая книга «Глашатай войны» стала настольной книгой президента Венесуэлы наряду с Библией и трудами Боливара, Уго Чавес в то же время считает себя глубоко верующим католиком и неоднократно обращается к библейским религиозным сюжетам. Дзен-буддизм помогает Чавесу «избавляться от идолов», а христианство в виде теологии освобождения и через влияние в обществе Римско-католической церкви легитимизирует его политический режим...

Позиционируя себя как революционного демократа, опирающегося на национальные традиции и безусловного приверженца взглядов Боливара, Чавес при этом уточняет, что «в XXI век не следует входить с шорами на глазах в условиях, когда размываются границы между правыми и левыми, когда пала Берлинская стена и изживается сектантство». Поэтому при выборе экономического курса он пытается балансировать между коммунизмом и неолиберализмом, при проведении политического курса внутри страны – между авторитаризмом и стремлением к широкой социальной демократии участия, при формировании внешнеполитического курса его антиамериканская риторика не мешает регулярным поставкам венесуэльской нефти в США... Он «постоянно балансирует между соблюдением законов и попытками нарушить их, сплошь и рядом действует «на грани фола», нередко заступает за кромку правового поля»⁹².

Вышеизложенные факты позволяют автору утверждать, что: «Чавес – это сложная, неоднозначная личность и трудно предсказуемый политик. Демократизм, умение напрямую общаться с простыми людьми – на улицах и площадях, в жилых районах кварталах бедноты, в учебных аудиториях и т.п. – уживается в нем с жесткостью, граничащей подчас с авторитарными и экстравагантными поступками. Ему ничего не стоит появиться в униформе десантника в высоком присутствии, демонстрируя тем самым

---

⁹² Дабагян Э.С. Уго Чавес. Политический портрет / Э.С. Дабагян. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 95

готовность, в случае необходимости, прибегнуть к силовому давлению на оппонентов»⁹³.

На аналитиков производит впечатление динамизм Чавеса, его мгновенная реакция на происходящее в стране. Когда 15 декабря 1999г., проливные дожди и оползни смели с лица земли целые поселки и жилые массивы, в результате чего погибли десятки тысяч людей, а сотни тысяч остались без крова – Чавес тут же отправился на место трагедии, взяв на себя руководство спасением людей и восстановительными работами.

Анализируя причины популярности нынешнего венесуэльского президента среди различных слоев населения, автор книги приводит характеристику политолога М. Лопес Майи: «Для определенных групп венесуэльского электората, особенно тех, кто принадлежит к беднякам или к изгоям, Чавес представляет собой образ, сочетающий ожидания чудодейственного выхода из тупика и намерения привести к власти новое поколение и наказать традиционное политическое руководство»⁹⁴. Кроме того, в арсенале У.Чавеса немало чисто популистских жестов и приемов, рассчитанных на мгновенный демонстрационный эффект, немедленный положительный отклик широких масс. Так он, оставив себе военную пенсию, отказался от президентского жалования и передал высвободившиеся средства для стипендий студентам. Призывая к сокращению государственных расходов на систему управления, Чавес отдал одну из официальных резиденций под школу и сократил на тысячу человек численность подразделения почетного караула, призванного охранять главу государства.

Существенной деталью общественно-политической жизни страны стали еженедельные радио- и телепрограммы «Алло, президент!», где Уго Чавес во время своих выступлений (нередко многочасовых), обращаясь непосредственно к аудитории, разъясняет ей сущность текущего политического момента, мер и шагов, предпринимаемых правительством. Речь его проста и доступна народу, изобилует острыми словечками, пословицами, поговорками, сленгом, понятными людям с улицы. При этом Чавес способен возбудить толпу, добиться ее воодушевления. Так при возвращении во власть после неудачного его отстранения в 2002 году президент Боливарианской Республики произнес загадочную и сакраментальную фразу: Богу – богово, кесарю – кесарево, а народу – народное!» Когда ликующие бедняки заполнили резиденцию, президент воскликнул: «Народ пришел во дворец, теперь он отсюда не уйдет!» - что многократно усилило триумф его возвращения во власть. Желая получить поддержку индейцев, Чавес 12 октября 2003 г. в День Америки, обвиняя испанских конкистадоров в истреблении и геноциде коренного населения, призвал крушить многочисленные памятники Христофору Колумбу...

---

⁹³ Там же. – С. 95.

⁹⁴ Maya M. Lopez. *Problemas de los partidos populares en la transición. (Tras una alternativa política en Venezuela)* / M. Lopez Maya // *Contribuciones*. – 1998. – N1. – P. 87-88.

При этом, находясь среди образованной аудитории, Чавес изъясняется высоким стилем, демонстрирует познания в области истории и литературы. Он свободно оперирует философскими терминами и понятиями типа «картезианство», «структурный гомеостаз», «энтропия», «мутация», «холистическое видение», что наряду с высоким ораторским мастерством позволяет ему владеть вниманием и этой аудитории, не прибегая к домашним заготовкам...

Оценивая Уго Чавеса как выдающегося политика с нестандартным, мало предсказуемым поведением, автор исследования связывает деятельность этого политика с историей его страны – Венесуэлы – первой в регионе поднявшей знамя борьбы за независимость от испанского колониализма, которая благодаря высоким доходам от экспорта нефти, политической и социальной стабильности, достигнутой в результате пакта Пунто Фихо, превратилась к концу 70-х XX века в своеобразный оазис демократии на фоне правоавторитарных диктатур, но в результате экономического кризиса и неадекватных ситуации рекомендаций Международного валютного фонда к началу 90-х годов оказалась в зоне социальной и политической нестабильности... Случайно ли оказался во власти подполковник парашютного спецназа – Уго Чавес, или его по праву можно назвать спасителем отечества – при ответе на этот вопрос Э.С. Дабагян не дает однозначного ответа – слишком большое сплетение факторов повлияло на его победу. Однако с уверенностью можно сказать лишь то, что личная харизма Чавеса вместе с практическими шагами боливариЙцев, «свидетельствующими о серьезном намерении построить демократию такого типа, которая способна обеспечить участие граждан в управлении государством на различных этажах, снизу доверху, с целью создать достойные условия жизни для всех без исключения слоев общества»⁹⁵, – нашли отклик в народе. В результате чего, в Венесуэле установился социально ориентированный неопопулистский режим с ярко выраженными каудильистскими чертами. Этот режим опирается на поддержку низов и армии, зиждется на авторитете харизматического лидера, находящегося на вершине пирамиды власти и крепко держащего в руках бразды правления. Влияние традиционных политических партий там сведено к минимуму. Там сильны позиции государства в экономике, но в то же время сохраняется не только мелкая, но и крупная частная собственность, функционируют предпринимательские организации. Внешнеполитический курс отличается динамизмом и универсализмом, широтой подхода к международным проблемам. Венесуэла является поборником переустройства мирового порядка на справедливой, демократической основе, выступает против единоличной гегемонии США за создание многополярного мира. Венесуэла – активный член ОПЕК, уверенный лидер Латиноамериканского региона, активизирующий свои отношения с Россией, Индией,

---

⁹⁵ Дабагян Э.С. Уго Чавес. Политический портрет / Э.С. Дабагян. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 52.

Китаем, ЮАР и Пакистаном. А ее президент, проводя такой динамичный внешнеполитический курс, «стремится не только стать лидером Латинской Америки, но и делает заявку на роль выразителя интересов народов всех развивающихся стран, противостоящих «золотому миллиарду»⁹⁶.

Прочтение этой книги, знакомящей с политической биографией Уго Чавеса в контексте политической истории Венесуэлы, Латинской Америки и мира, способствует более адекватному пониманию не только политического процесса в Латинской Америке, но и феномена революционаризма, вновь обретающего плоть и кровь не только в этом политически жарком регионе, но и во всем мире.

Margaret M. POWER
**REMEMBERING CHILE'S VICTIMS
OF YESTERDAY AND TODAY**

Steve J. Stern. Remembering Pinochet's Chile: On the Eve of London 1998. Durham and London: Duke University Press, 2004. xxxi + 247 pp. Illustrations, notes, bibliography, index. \$29.95 (cloth), ISBN 978-0-8223-3354-8.

Peter Winn, ed. Victims of the Chilean Miracle: Workers and Neoliberalism in the Pinochet Era, 1973-2002. Durham and London: Duke University Press, 2004. xvi + 423 pp. Notes, bibliography, index. \$89.95 (cloth), ISBN 9780822333098⁹⁷.

Although both books examine Chile and Pinochet, the questions they pose, the topics they cover, and the conclusions they reach are very different. Yet separately or even more forcefully in combination with each other, these books offer the reader a powerful vision of the impact that the Pinochet dictatorship had and continues to have on Chileans and Chilean society. The Stern book examines how Chileans remember the Pinochet period and uses the insights gained from this exploration to engage an innovative and thoughtful theoretical discussion of memory. The Winn book, which is an edited volume, reveals the devastating consequences that the military regime and the post-dictatorship Concertacion governments have had on workers and the labor movement.

Remembering Pinochet's Chile operates on two interrelated levels. One level consists of a fascinating exploration of how Chileans remember the Pinochet period. To determine this, Stern interviews Chileans from across the political spectrum, representing diverse political classes. As he illustrates, Chileans' memories of Pinochet are often bi-directional; they both reflect past (and current) political attitudes toward the government of Salvador Allende that preceded the dictatorship and promote current political perspectives and goals.

---

⁹⁶ Там же. – С. 88.

⁹⁷ Margaret M. Power. "Review of Peter Winn, ed, *Victims of the Chilean Miracle: Workers and Neoliberalism in the Pinochet Era, 1973-2002*," *H-LatAm, H-Net Reviews*, October, 2005. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.cgi?path=269751159975768>.

In order to gauge how Chileans thought about the Pinochet period, Stern conducted numerous interviews with an assortment of people. These interviews, which supply Stern with much of the empirical data he uses in the book, provide vivid portraits of the interviewees and valuable insights into how and why people construct both the Pinochet period and their own relationship to it. Thus, through them we learn about Doña Elena, an upper-class woman from the landowning elite, who considers September 11, 1973, (the day the military overthrew the Allende government) "as the best day of her life," because the military pronouncement, which is how she characterizes the coup, saved Chile from "imminent catastrophe" (p. 7, 27). In sharp contrast to Elena's story is that of Herminda Morales, a working-class leftist whose two sons remain missing to this day, victims of the military's practice of kidnapping and making those it considered its opponents disappear. Far from saving Chile, Morales believes the dictatorship produced a lasting wound that has not yet healed. However, Stern does more than just recount the stories of certain select Chileans. He uses their stories, their ways of constructing the past to argue for a theoretically sophisticated vision of memory, one that draws on the extensive literature that exists on the topic and also makes significant contributions to it. Stern argues that memories can best be understood as part of a historical process and are intimately linked to politics. To illustrate this perspective, Stern explores four distinct, and in some cases related, ways that people remember the Pinochet period. The first is "Heroic Memory" (memory as salvation), an attitude that Doña Elena, mentioned above, embodies. She, along with other Chileans with similar politics, remembers the Allende era as a time of crisis and praises the valiant military and Pinochet for saving Chile from disaster. Her polar opposite, Herminda Morales, laments the overthrow of Allende and views the Pinochet period as a time of persecution, suffering, loss, and brutality. Her memory is a dissident one (memory as unresolved rupture), since it opposes the heroic vision of the Pinochet period that Doña Elena cherishes, just as Herminda Morales and her family contested the dictatorship itself. Memories serve to inspire Violeta, a Catholic who was active in the human rights movement during the Pinochet dictatorship. She remembers the mass protests against Pinochet, working with other human rights activists, and the contributions that grassroots activists made to the recreation and reemergence of a civic culture in Chile. Her own activism and her fears of torture led her to examine and learn more about herself. For all these reasons, her memories of the Pinochet period are ones of both persecution and awakening.

Stern's discussion of Colonel Juan F. is a fascinating exploration of how a military officer who served during the dictatorship remembers, or more accurately closes the lid on many of his memories of his past. Stern labels this an Indifferent Memory (memory as a closed box) since it attempts to "Clos[e] the Box on the Past" (p. 88). What most strongly alerts Stern to the Colonel's "will to forget" his involvement in the political violence that characterized the Pinochet period was his behavior at the end of the interview. As Stern tries to leave, the Colonel detains him for more than half an hour and repeats his belief

that Chileans do not care about the past. His excessive insistence on this point prompted Stern to research the Colonel's activities during the military regime; from this investigation Stern concludes that the Colonel was neither unaware of a massacre that took place in the province to which he was posted nor as indifferent to its moral and political implications as he would have Stern believe.. Instead of either glorifying or lamenting the Pinochet period, the Colonel makes a bad faith effort to put it behind him.

Stern also explores what he calls "Emblematic Memory," which offers a "framework that organizes meaning, selectivity, and counter-memory" (p. 105). Unlike individual memories, emblematic memory receives some form of public acceptance and validation and offers a framework in which people can shape their memories; it also helps to organize the way people construct their memories.

Illustrating the highly original nature of Stern's exploration of memory is his introduction of new terms. One particularly useful word is "policide," which he defines as "an effort to destroy root and branch--permanently--the ways of doing and thinking politics that had come to characterize Chile by the 1960s" (p. 31). Like genocide and ethnocide, the word policide, whose applicability extends beyond Chile, accurately describes the efforts of a political regime to eliminate not just individuals but political vision, identity, and practice because of the threat they pose to those who hold the reigns of power. This is a pathbreaking book that not only contributes to the ongoing scholarly discussion of memory but also brings to light the experiences and perspectives of several prototypical Chileans whose stories have seldom been heard before. Of particular importance are Stern's interviews with members of the Chilean military; they range from the Colonel mentioned above, to conscripts who were appalled by the violence they witnessed and in which felt forced to participate. Stern's ability to elicit the intimate testimony he did from the interviews is a tribute to his skills as an interviewer and offers all those who engage in oral history a lesson: interviewing people is much more than formulating questions, it also demands a full sensory, intellectual, and emotional engagement with the interviewees to understand what they are telling you and, just as importantly, what they are not telling you.

Victims of the Chilean Miracle is a must-read book for students of modern Latin American history. It offers a profound and moving indictment of the neoliberal economic policies implemented during the Pinochet regime as well as a sharp criticism of the post-Pinochet Concertacion governments for continuing these policies. At the same time, it graphically articulates the impact these policies had on workers, the working class, and the trade union movement on both an individual and a collective level. Although the book fittingly focuses on Chile, since it was the first Latin American country to introduce neoliberalism and has done so very thoroughly, the lessons this book offers apply far beyond that nation.

The book consists of two framing essays, one by Peter Winn (who edited the volume) on the Pinochet period and the other by Volker Frank on the post-

Pinochet decade, 1990-2000. The following chapters present case studies of workers in different areas of the Chilean economy, detailing the stories of workers in the textile, fishing, agricultural, copper, forestry, and metalwork industries. These essays present a very dismal picture of what life was like for Chilean workers during the Pinochet dictatorship and an almost equally grim one for the situation of workers in the post-dictatorial period. For this reason, this is a heart-wrenching book, one that reveals all too clearly how disastrous neoliberalism has been for working-class consciousness, organization, and standard of living, let alone the overall economic health and environmental well being of the nation.

The essays work remarkably well together; each builds on the other to produce a coherent picture of what workers have experienced and how they have responded to the drastic economic transformations that Chile has undergone since the overthrow of the Allende government in 1973. Political repression was one of the recognized hallmarks of the Pinochet regime. Somewhat less acknowledged are the targeted attacks that the military dictatorship directed against the trade union movement and working-class activists. As these essays make clear, in order to implement neoliberalism in Chile, the military had to eliminate any challenges to its economic policy. The Left certainly represented one such obstacle and, as this book makes abundantly clear, the working class did too. To prevent working-class opposition to its policies from emerging, the Pinochet regime not only arrested working-class leaders and activists, it also implemented the infamous 1978 Plan Laboral. This plan decimated the labor movement by stripping the unions of bargaining power, undercutting labor's ability to strike, and vesting enormous power in the hands of the employers. The combination of political repression, an economic recession, and the imposition of an anti-worker labor code severely undermined workers' ability to organize against the plan, let alone seriously oppose it. The working class was the sector of Chilean society hit the hardest by Pinochet's economic and political policies. It was also, as Winn and Thomas Miller Klubock make clear in their respective essays, the workers whose public denunciations of the dictatorship initiated and created the public space for the mass protests that emerged in the early 1980s. This is one of the saddest ironies revealed by the book. The Chilean working class was probably one of the best organized and most class-conscious in Latin America prior to the military coup. It was certainly the social sector that suffered the most during the dictatorship. And it was the organized working class that took to streets to protest the dictatorship. The denouement, however, is not a happy one, as many of the essays make clear. The dictatorship ended, but much of its legacy remains. Workers have not regained their power and their organizations remain weak. As a result, the living and working conditions of most Chilean workers are onerous and exhausting. They are paid way too little, forced to travel long distances just to obtain or maintain a job. Denied the respect, health care, and benefits they deserve, many of them understandably lack hope that the future will be better. In one of the most damning critiques of the Concertacion's

impact on workers, Volker Frank points out that "the quality of a worker's life in Chile's new democracy leaves much to be desired and may be lower today than it was in 1990" when the Pinochet dictatorship ended (p. 114).

Each essay in the book is a strong and original exploration of different workers' realities in distinct industries. Peter Winn's essay builds on his book *Weavers of the Revolution* and examines how the textile industry in Chile has changed in the last three decades and how these transformations, along with the policies of the Pinochet and Concertacion governments, have affected workers⁹⁸. Contrary to expectations, conditions for the textile workers have improved very little, if at all under the Concertacion. In part, this is due to the globalization of the economy and the enormous power exerted by international capital to seek cheap labor, thus undercutting the ability of organized labor to resist its demands. Also, as Winn points out, the Concertacion governments wanted to make it clear to the business elite in Chile (and elsewhere) that they had no intention of repeating the economic policies of the Allende government. Far from supporting workers' demands, these governments have been far more conciliatory, even ingratiating to capital, thus disappointing many in the working class who anticipated that the ending of the dictatorship would result in improved conditions for workers.

This is a theme that many of the chapters echo. Joel Stillerman's essay on metalworkers reveals that many of the same conditions for workers exist in this economic sector as well. The essay also shows just how profound the political repression, dissolution of the union movement, and economic changes have been on workers' consciousness. For many workers, individualism and consumerism, a byproduct of neoliberalism, have replaced a coherent identity based on class and a shared sense of exploitation and unity.

Thomas Miller Klubock's chapter on the El Teniente copper miners also illustrates the negative impact that the last thirty years have had on workers' ability to collectively resist the economic assaults that have been launched against them. El Teniente copper miners had long been a privileged sector of Chilean workers, a status earned by their organization and struggles, and by the centrality of copper to the Chilean economy. Neoliberalism introduced new and advanced technologies, privatization, and subcontractors, all of which served to undermine the workers' collective strength, which was the source of their ability to resist the attacks launched against them. Although they launched the anti-Pinochet struggle, and thus were pivotal in the restoration of democracy, their political contributions have largely been unpaid.

As Heidi Tinsman's discussion of female agricultural workers shows, however, when we consider women workers the picture is a bit more complicated. The Pinochet regime prioritized the production of goods for export, primary among which was Chilean fruit. As the fruit export industry expanded in the Chilean countryside, many rural women got paying jobs for

---

⁹⁸ Peter Winn, *Weavers of Revolution: The Yarur Workers and Chile's Road to Socialism* (New York: Oxford University Press, 1986).

the first time. This income, which challenged many established gender practices, allowed women to have more economic independence and, as a result, a more positive sense of self. Although they work in highly exploitative conditions, their ability to earn a wage, much of which they spend on their households, some of which they spend on themselves, has altered their position within their homes and enhanced their bargaining power in their relationships with men.

As Rachel Shurman describes it, work in the fishing industry is exceedingly difficult and, like many of the other areas of work, made harder by the absence of a strong union that could successfully demand improved working conditions. Contributing to the workers' weakened bargaining position is the fact that Chile's fish industry is inserted into the global market, and reflects both the ebbs and flows of global demand and global competition. This chapter clearly shows the extent to which conditions of Chilean fish workers depend on global factors, most of which do not favor the workers.

The final essay by Klubock brings to life a world that, I believe, few of us know much about: the farming and production of wood and wood products. It also is a fairly searing account of the miserable and highly exploitative conditions in which these isolated and unorganized laborers work. In order to find jobs, many workers travel to the isolated mountains where the forests are, leaving behind their families and their affective relationships to live in substandard housing, eat unhealthy and insufficient food, and work long hours. In one of the more poignant stories in a book full of them, Klubock recounts the cases of workers who do not even get paid for their labor, since their employers simply refuse to pay them or vanish, leaving the worker with nothing to show and nothing to give his family after weeks of arduous labor. This chapter, like so many of the others, should enrage all those who read it and encourage us to act to remedy the situation.

These are two very important and powerful books that can be read and appreciated on both the graduate and undergraduate level. They starkly reveal the enormous and largely negative impact that the Pinochet dictatorship had on Chile. The political traumas that Stern describes are matched by the political/economic disasters discussed in the Winn volume. These two books offer new insights into the Pinochet dictatorship and its legacy, and help the reader understand both the Chile of today and of the last thirty years.

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей памяти
Сергея Ивановича Семенова

Выпуск 2

сборник статей

на русском, английском и португальском языках

Составители:

А.А. Слинко, М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Московский пр-т, 88